

АЛЕКСАНДР НАМГАЛАДЗЕ

**Записки рыбакова-любителя.
Часть 6. Ельцинские времена.
Том 6.2. 1997–1999 гг.**

Александр Намгаладзе

**Записки рыба-loва-любителя.
Часть 6. Ельцинские времена.
Том 6.2. 1997–1999 гг.**

«Издательские решения»

Намгаладзе А.

Записки рыболова-любителя. Часть 6. Ельцинские времена.
Том 6.2. 1997–1999 гг. / А. Намгаладзе — «Издательские
решения»,

ISBN 978-5-44-837491-3

В настоящем двухтомнике на базе дневников, воспоминаний и переписки автора описаны события 90-х годов 20 века, происходившие в Полярном геофизическом институте Российской академии наук и Морской государственной академии рыбопромыслового флота и за их пределами. События происходят в Мурманске, Апатитах, Калининграде, Москве, Владимире, Сестрорецке и за рубежом. Авторское фото на обложке тома 6.2: Киты-пилоты у берегов Тенерифе, 7 октября 1997 г. (Глава 632)

ISBN 978-5-44-837491-3

© Намгаладзе А.
© Издательские решения

Содержание

1997 г.	6
625. Январь. Повышение квалификации Ирины в Москве. Мосхадов – президент Чечни. Защита Бессараба в ИЗМИРАНе	6
626. Февраль. Поездка с Олегом в Тромсё	7
627. Март. Заказ недель на Тенерифе	12
628. Апрель. Ельцин с Лукашенко союз создали непонятный. Катание на лыжах с загоранием. Гострем умер	14
629. Май. Лебле в Мурманске. Ельцин с Мосхадовым мирный договор подписали. «Солдаты худеют, понимаешь, а генералы жиреют». «Пока ругаешь жизнь, она проходит»	15
630. Июнь. Рассказ тёти Тамары. В Лестере, Стрэтфорде и Лондоне	18
631. Июль. Главный редактор «Вестника МГТУ»	25
632. Август. Дядя Серёжа Мороз умер. Памятник моим родителям	27
633. Сентябрь. Первая лекция по физике программистам. Поездка Мити в Италию на школу по липидной сигнализации. Предложение аспирантуры у Даниелы Корды	30
634. Сентябрь – октябрь. Описание поездки на Канары	42
635. Октябрь – ноябрь. Я уволен из ПГИ. «У ПГИ голова в Мурманске, а мозги в Апатитах»	58
636. Декабрь. Митя приехал на последние зимние каникулы перед отъездом в Италию	61
1998 г.	64
637. Январь. Гене Бирюкову – 60! О будущем Сашули и Романа	64
638. Февраль. Итальянские заметки Мити	66
639. Март. Марко Фаласка. Ирина, Ваня, внуки и тёща в Мурманске	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

**Записки рыболова-любителя.
Часть 6. Ельцинские времена.
Том 6.2. 1997—1999 гг.
Александр Намгаладзе**

© Александр Намгаладзе, 2017

ISBN 978-5-4483-7491-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1997 г.

**Мурманск – Апатиты – Москва –
Владимир – Калининград – Тромсе –
Лестер – Лондон – Рим – Тенерифе**

**625. Январь. Повышение квалификации
Ирины в Москве. Масхадов – президент
Чечни. Защита Бессараба в ИЗМИРАНе**

Январь 1997 г.

1 января. С Митей по очереди (по одному самоучителю) испанским занимаемся.

8 января. Проводили Митю в Москву, где его Ирина уже ждёт, приехавшая на два месяца повышать квалификацию. Собирается у Мити жить. А Иван с детьми один остался – герой!

10 января. Пришёл каталог RCI с красивой членской карточкой, на которой вытеснена фамилия MAMGALADZE.

12 января. Конец полярной ночи – увидели солнышко с вершины нашей горы. Открытие лыжного сезона у Сашули.

14 января. Роман Юрик на работу в ПГИ взят эмэнэсом в мой сектор.

15—17 января. Конференция «Юность Севера». По физике первое место Паша Лебедев занял (он же и по информатике), второе Путинцев-младший, а третье – наши Туркин с Сюриным. Додонов и Кобец без призов остались, но у них и результата ещё не было.

19 января. Крещение. Минус 25 градусов. Как и положено: самый пока холодный день. Полтора часа катался по снегоходной трассе недалеко от нашей горы (на которой наш дом стоит). А накануне час пятьдесят там же бегал.

28 января. Аслан Масхадов – президент Чечни. У Феди Бессараба защита в ИЗМИРАНе. С трудом (денег нет в университете, да и просто оформление командировки жутко беготное, все, кому не лень, гоняют) отправил Власкова в Москву оппонировать Феде.

626. Февраль. Поездка с Олегом в Тромсё

Февраль 1997 г.

Моё письмо детям от 3—4 февраля 1997 г.

Здравствуй, дорогие наши детки!

Получили от вас письмо, писанное Митей 20 января. Рады, что всё у вас в порядке, и надеемся, что и дальше так будет. Вот только про Иринкино «повышение квалификации» мало что узнали. Где и как оно проходит, в каком институте, как туда добираться? Чем Ирина по вечерам занимается? Как они с Михеичем – не стесняют друг друга на ограниченном жизненном пространстве?

У нас главное событие – мама зубы меняет. Сегодня должны были уже верх поставить, да техник загулял. Я с тоской думаю, что скоро и мне надо будет чего-то делать с шатающимися остатками моих верхних зубов, которые служат мне лишь в качестве сомнительного украшения.

День сейчас быстро прибывает, что радует.

В Тромсе мы с Олегом Мартыненко летим 10-го, визы уже получили.

22 января Милочке исполнилось 45 («баба ягодка опять»), мы пытались дозвониться, но телефон не отвечал. Наверное, отмечали день рождения на новой квартире. У них внук родился 8 декабря, а нам ничего не сообщили даже (я от Любы узнал по телефону). Милочка зашивается, наверное, поэтому молчит. Что Андрюшка защитил диссертацию, а Жора в Брюсселе, вы, наверное, знаете. Навестили бы тётку Любу, она будет рада. Впрочем, и бабулю Тоню надо навестить, а мотаться-то, конечно, нелегко и накладно, – ну, уж как сумеете.

28 января в ИЗМИРАНе Федя Бессараб защитил кандидатскую (голосование 14:0) – мой десятый кандидат наук, я у него официальный научный руководитель вместе с Кореньковым. Власков ездил на защиту в качестве официального оппонента.

В каталоге RCI Клуб Сан Антонио сфотографирован со двора, там у него, оказывается, бассейн прямо к дому примыкает. У меня никак не доходят руки выяснить все порядки в этом клубе и спланировать все причитающиеся недели (ваучерную, приветственную от RCI и свою в клубе). Непонятно пока, куда пристегнуть приветственную.

Я тут маму похвалил, как она причесалась, и сказал:

– Вот всегда так причёсывайся.

А она мне ответила:

– Слишком жирно будет.

На работе процесс не затихает. Всё доводим до ума начатые в прошлом году исследования, а тут ещё лицеисты и мой новый аспирант Роман Юрик (толстенький, лысенький, усатенький, физфак львовского университета закончил три года назад) передыху не дают ни мне, ни маме. И это при том, что в ПГИ я считаюсь в отпуске, а работаю на полную ставку в университете, где занятия начнутся на следующей неделе.

Переживаем за Ивана. Как он там управляется?

Испанским по-прежнему занимаюсь по выходным в свободное от лыж время. Завидую Мите, его аудиокассетным возможностям.

Вот пока и все наши новости. Ждём ваших писем, целуем. Папа, мама.

Моё письмо детям от 20—22 февраля 1997 г.

Здравствуй, дорогие наши детки!

В понедельник, **17 февраля** я вернулся из Тромсё, спешу отчитаться о поездке. В предыдущий понедельник, **10 февраля** мы с Олегом Мартыненко стартовали из ПГИ,

куда явились с вещами, в 11 утра. Нам была обещана машина в аэропорт, но оказалось, что нет бензина, надо заправляться, и мы должны бензин оплатить. Такие у нас, оказывается, порядки. Я Терещенке высказался, что хорошо бы с ними знакомиться заранее, а то у меня, например, рублей только на обратную дорогу из аэропорта, зачем мне рубли в Норвегии?

Впрочем, рубли нашлись, их немного, конечно, требовалось, но настроение было слегка подпорчено. Интересно, как мне Терещенко объяснял, почему мы должны платить за бензин: чтобы народ не привыкал к роскоши, а то ведь эдак каждый будет себе машину требовать, а правила должны быть для всех одинаковыми. Можно подумать, что у него очередь желающих в аэропорт на машине отправиться.

Даже с заездом на заправку в пиковое время, мы прибыли в аэропорт за два часа до отлёта и ждали час до начала регистрации. Таможенники потребовали разрешение на дискеты (20 штук везли: модель и данные), которое мы благоразумно оформили заранее. Больше ничего не проверяли.

Рейс у нас аэрофлотовский Мурманск-Тромсё. Норвежцы попросили нас купить билеты в Мурманске самим, а они потом, мол, оплатят. Мы взяли туда и обратно, заплатив по 1 160 000 р (а если только туда, то цена 900 000 р), и очень удивились, прочтя на билетах их долларовую цену: 364\$. Там же в билете указано, что 1 USD = 2839 (!) рублей. Оплатили же нам, естественно, по долларовой цене в норвежских кронах.

Самолёт – закопчённый Ан-24, старше Олега. Кормили слабо. Народу полный салон. Летели 1 час 40 минут, на правом (северном) борту, сначала до Верхне-Туломского, а оттуда повернули на северо-запад через Финляндию к Тромсё. В аэропорту Тромсё проверяли только паспорта (никакого таможенного досмотра), но долго, нас по радио объявляли (что нас ждут у справочного бюро).

Встречал нас Крис Холл на университетской «Тойоте». Он – англичанин, приехал сюда на ЕИСКАТ (Европейская установка некогерентного рассеяния из двух огромных радаров) 15 лет назад, женился и остался, понравилось. Правда, с женой развёлся (оказалось, это Шейла Кирквуд, с которой Аля Осемян в Кируне работает, и которая на Корсику с младенцем моталась). Теперь живёт с секретарём обсерватории Марит Крокстад.

Всё это он рассказал нам по дороге в отель «Навна», расположенном на северо-восточной окраине порта, прямо под университетом. Там мы поселились в соседних одноместных номерах, обговорили с Крисом завтрашнюю встречу и расстались с ним.

Вечером гуляли в центр, до которого три километра по самой нижней улице вдоль берега (я по этой трассе бегал в прошлый свой приезд сюда осенью 1993 года), глазели на витрины. Я искал словарь какой-нибудь норвежско-русский или английский небольшой, но не нашёл. Буханка хлеба – 20 крон, пицца – 100, но хороший большой фотоальбом – тоже 100, как у нас. По футболу всякой всячины на английском до фига, типа полной иллюстрированной истории МЮ или «Ливерпуля» за 200 крон. Вообще книги все в пределах 100—200 крон, журналы – 20—50 крон.

Сугробы в Тромсё ограммные, в два метра и выше, но чистят хорошо. Народ всюду на горных велосипедах по льду и снегу разъезжает, а также на финских санках.

Вечером в отеле нас ждал оплаченный ужин (карбонад жареный за 75 крон), после которого мы отправились по койкам. На прикроватных тумбочках прекрасные евангелия параллельно на английском и норвежском – абзац напротив абзаца, очень удобно изучать язык.

Утром позавтракали (шведский стол, Олег селёдки напоследок наелся, потом от жажды страдал). Вся эта ночёвка с питанием стоила по 840 крон на каждого (по 140 долларов). Крис заехал за нами в 8.30. У них рабочий день с 8 до 15.45, большинство магазинов работает с 9 до 16, в пятницу до 19, в субботу с 10 до 14, а в воскресенье все отдыхают.

Поехали в университет за деньгами. Интересные современные корпуса, особенно новое здание департамента рыбных исследований. Проблема парковки: куча стоянок в сугробах, но и куча машин студентов и преподавателей. Пошли сначала в «бухгалтерию» (один человек управляется) заполнять ведомости.

Справку Ингосстраха забыли в машине. Крис дал Олегу ключ от машины и предложил сходить за ней (чтобы получить деньги за оплаченную нами страховку), но Олег испугался, что не найдёт стоянку, и они пошли вдвоём, а я остался заполнять бумажки за себя и Олега. Когда он вернулся, мы бумажки перепутали и расписались не в своих формах. Я подумал, что всё по новой заполнять придётся, но бухгалтерша быстренько замалевала белыми нашими подписи, и мы расписались правильно.

Потом зашли в университетский книжный магазин, весьма богатый, где я купил (у меня с собой было 200 крон, купленных ещё в Мурманске) словарики норвежско-английский и обратно за 89 крон, тогда как такой же (даже потоньше) норвежско-русский стоит 149 (спрос и тираж меньше) и настенный календарь с видами Тромсё за 45 крон, который внизу стоит 60.

Получили деньги (я 5360 крон) и отправились меня селить в одну из университетских квартир в центре, рядом с кинотеатром «Фокус», на самой центральной пешеходной улице. Фантастические подземные стоянки, целый город. Остров прошивают насквозь два туннеля и третий под дном пролива на материк. Это не считая мостов.

Поселился я в мансарде с видом на пролив за крышами домов и горы за ним. В вытянутой в длину комнате слева от входной двери миникухня и рядом санузел, справа – спальня, посередине рабочий стол, журнальный столик, диван, кресла, шкаф, стеллаж. Электрические батареи, температуру сам устанавливаешь, какую хочешь.

Затем отправились в Авроральную обсерваторию (она при университете), расположенную на самой вершине острова над центром, а с противоположной (северо-западной) стороны – аэропорт. Поселили Олега в квартире напротив офиса Криса, в старом деревянном двухэтажном здании с живописным видом из окна. В квартире большая кухня с телевизором и три комнаты, одну из которых занял Олег. Перетащили к нему компьютер (PC Pentium 133 MHz, 31 MB), установили на нём Windows-95 и нашу модель, обнаружили нехватку файлов, телефонировали в ПГИ, разыскали Сашулю, она нам по e-мэйлу переслала, что нужно, только кириллица вся искорёжилась в невесть что, но с этим Олег управился. Без обеда работали, запускали модель, потом кофейку-чайку попили, и я пешком ушёл вниз к себе, погулял и спать завалился.

У антенн ЕИСКАТовских радаров. 12 февраля 1997 г.

На следующий день утром пешком вверх за 20 минут до обсерватории по дороге с чудесными видами окрестностей. Сразу поехали на ЕИСКАТ (просто посмотреть знаменитые радары) всё на той же «Тойоте», только за рулём был не Крис, а его молодой напарник по научной работе. Радары находятся в долине одного из фьордов, километрах в тридцати пяти к юго-западу от Тромсё. Антенны и передатчики, конечно, впечатляют. И сугробы ещё выше, чем в Тромсё. Знакомых встретил – Ван Айкена (англичанин), Ритвелда (новозеландец), Коллиса (швед), сидят там, работают. В машине с Крисом обсуждали планы совместных работ. Вернулись в обсерваторию в середине дня, провели первые просчёты (начальные условия, оказалось, не те взяли, пришлось от нулей стартовать), потом японца Сатаноре Нозаву (молодой парнишка из университета Нагойи) с первого этажа к себе наверх затащили, свои картинки показывали, с ним, похоже, Олегу придётся кооперироваться, когда Брекке (директор обсерватории) из Японии вернётся. Потом я ушёл, купил маргарин (400 граммов за 11 крон, самый дешёвый и очень вкусный в качестве бутербродного масла) и пожарил на нём брикетки филе, обнаружившиеся в морозилке моего холодильника, похоже, палтуса.

Утром следующего дня (**13 февраля**) бегал 50 минут по низу на север. Потом план-задание составлял для Олега, фотографировал по дороге на работу и с неё. Согласовали окончательно план работы с Крисом. Олег уже первый пункт выполнил: внедрил эмпирическую модель атмосферы MSISE90, программа которой оказалась в наличии у Криса, в нашу модель для использования в качестве начальных и граничных условий. Олег дал мне 50 крон на плёнку и я купил упаковку из трёх штук «Кодак 400» за 99 крон, что даже дешевле мурманских цен.

Утром **14 февраля** бегал час там же и сразу после бега, не завтракав, пошёл фотографировать улицы и с моста при предвосходном освещении, когда иллюминация ещё не выключена, но небо уже светлое. После завтрака почитал статьи и опять фотографировал уже при ярком солнечном освещении. Потом короткая дискуссия с Крисом, куча статей от него, и потом до позднего вечера (то есть до девяти часов, даже в дежурный магазин рядом с моим домом за хлебом опоздал) с Олегом манипулировали коэффициентом турбулентной диффузии в расчётах.

15 февраля. Утром бегал, потом слонялся до открытия магазинов (суббота!), чтобы купить хлеба и яиц (из Мурманска я привёз с собой только банку ветчины, колбасу и шпроты). Купил мешок булочек (штук 30) за 20 крон и десяток яиц за 21.50. Днём народ заполнил центр, норвежата очень симпатичные, а мы с Олегом любовались своими картинками на компьютере. Дома занимаюсь английским (статьи и «43 урока по идиомам»). Хорошо, что нет телевизора, не отвлекает. Никаких тебе дум и компроматов.

16 февраля. Утром бегал, потом гулял через мост к церкви, фотографировал. Потом к Олегу, нашли ошибки в ночных расчётах, поставили на счёт, пошли гулять-фотографировать через лыжные трассы, вернулись, нашли новые ошибки, поставили снова на счёт, понаблюдали, как он идёт и я ушёл. Цезаря Ла Хоза (перуанца, который редактировал одну из наших статей) встретил у крыльца, не удалось с ним по испански поговорить.

Церковь на материковой части Тромсе. 16 февраля 1997 г.

17 февраля – мой последний день здесь в этот приезд. С утра порадовали Криса результатами: согласие наших расчётов с его измерениями (скорости диссипации турбулентной энергии в мезосфере) просто удивительное. Считаю, одна статья есть. Я ему две бутылки водки (ему и Брекке) подарил – «Жириновского» и «Довгань хлебную», он с удовольствием их принял и свозил нас и Трулса Хансона на ланч в отель около аэропорта, а затем меня проводили, и я улетел, а Олег остался до 10-го марта. Денег он тут заработает за месяц больше, чем в ПГИ за год, а жратвы у него из Мурманска достаточно завезено.

Заканчиваю это письмо в ПГИ, в субботу **22 февраля**.

Опять в цейтноте: на следующей неделе традиционный всероссийский съезд на Апатитский семинар «Физика авроральных явлений», у нас там два доклада, а картинки ещё не готовы. Пошли лекции у меня (читаю физику нефтегазовикам и геологам), занятия с лицеистами продолжаю вести за себя и Олега. А тут ещё нас с Терещенко Учёный совет ПГИ в член-корры РАН выдвинул. У него есть шанс пройти по дополнительной квоте для молодых (моложе пятидесяти), у меня шансов практически нет (их надо за кулисами обеспечивать), но засветиться в Академии не помешает, а нужно кучу документов оформить. Чем сейчас и буду заниматься вместо того, чтобы на лыжах кататься. День сегодня тихий, ясный, но мороз -19 градусов с утра. В Норвегии, кстати, потеплее было: от -3 до -10.

Иринкино письмо получили, но читали с большим напрягом: почерк без уважения к читателю. Писем ваших ждём с нетерпением. Привет Бирюковым.

Целуем, папа, мама

627. Март. Заказ недель на Тенерифе

М а р т 1 9 9 7 г.

Моё письмо Мите от 26 марта 1997 г.

Здравствуй, дорогой сынуля!

Ужас, сколько времени я не писал! А мама оправдывается, что у нас я – писатель. У меня же очередная затяжная запарка. На этот раз проект для INTAS лепил. Знаешь про такую International Association for the promotion of cooperation with the scientists from the New Independent States of the former Soviet Union?

Проект явился плодом нашего норвежского сотрудничества (помимо статьи, которую мы накатали вместе с Олегом, Холлом и Брекке). Его название: «Polar mesosphere and lower thermosphere dynamics: observations and modelling (model development from an expanding measurement database)». В нём предполагается участие трёх российских команд (ПГИ, Мурманский университет и Калининградская обсерватория), двух норвежских, английской и канадской. Но поскольку западным участникам полагается всего 20% гранта, то у них особого стимула напрягаться нет и всё пришлось делать практически мне одному.

Не уверен даже, что они (партнёры) успеют всё вовремя (deadline 2 April) в Брюссель доставить со всеми подписями, поскольку официальный координатор проекта (Брекке, норвежец) в Японии сидит. С японцами, кстати, тоже, похоже, придётся сотрудничать. Калининградцам я предложил, чтобы у них Иван был главным, поскольку именно его деятельность в первую очередь важна для проекта. Согласились. Хотя Кореньков, возможно, в глубине души и обиделся. Привык, что он – начальник.

А в Апатиты на традиционный семинар «Физика авроральных явлений» Шагимуратов сподобился приехать, единственный из калининградцев, с докладом. Не бросает науку, молодец. Терещенко дорогу оплатил (рассчитывали на поддержку семинара от РФФИ, но в этот раз не дали).

С член-корровскими бумажками я тоже провозился ужасно много времени. Оказывается, меня единогласно выдвинули тайным голосованием на Учёном Совете (меня там не было), что меня приятно удивило. Про Терещенко не знаю, не видел его выписку из протокола. Университетский Ученый Совет также поддержал мою кандидатуру, что впрочем шансов не увеличивает. Смешно, конечно, столько сил тратить на безнадёжные затеи (ИНТАС тоже маловероятен), но приходится.

Испанский язык, естественно, заморозился. На лыжах и то пропускаю положенное катание. Хотя погода сейчас само то! Ослепительное солнце, безветренно, по утрам мороз (до минус 18), днём минус 3—5 градусов. Пару раз с мамой, однако, покатались всё же, да раза два я один бегал. Мало. А снегу в марте навалило небывалое количество.

Ещё я развлекаюсь борьбой за свои полярные надбавки в университете. Чтобы их получать, я должен был из ПГИ уволиться на время своих отпусков, а теперь Терещенко не хочет этого делать задним числом и футболил меня к ректору, тот – обратно, так и циркулирую.

Фотографии отпечатал тромсёвские. Кое-что увеличил до 15 на 21 и развесил у себе в кабинете на кафедре перед своим столом. Любуюсь. Надо будет кое-что из прежних снимков увеличить.

С лицеистами вожусь. Один (Сюрин Антон, наш с Олегом питомец) в Обнинск поехал на Всероссийскую конференцию юных учёных.

Рад удачному старту «Балтики». Был на «Локомотиве»? Я там видел по телевизору калининградских фанов. Жду отчётов.

На ваучер твой я заказал Канары (Тенерифе) с 3 октября и в RCI приветственную неделю с 10 октября. По ваучеру ответ будет только в конце апреля (рано ещё, говорят), тогда

уточню и приветственную неделю. Деньги за неё уже отправил. Писем твоих ждём с нетерпением.

Крепко целуем. Папа, мама.

27 марта. Мише – 12 лет!

30 марта. Забыл раньше записать о жутком событии, происшедшем где-то в начале марта: Пивоварова избили в своём кабинете (в бывшем Институте, а теперь факультете менеджмента, экономики и права МГТУ), он, говорят, даже не успел разглядеть кто. В больницу попал с сотрясением мозга. За что и других подробностей не знаю.

31 марта. Не успели с ИНТАС, и из РФФИ отлуп пришёл. Обидно.

С ИНТАС, конечно, поздно спохватились. А тут ещё пасхальные каникулы в Европе всё остановили. Может, к следующему сезону поспеем.

А на РФФИ я надеялся, поскольку Фельдштейн обнадёжил ещё в Москве на семинаре памяти Шабанского в МГУ: он, мол, рецензентом был и отзыв хороший написал. В этом году ПГИ всего три гранта от РФФИ получил супротив пятнадцати в прошлом.

628. Апрель. Ельцин с Лукашенко союз создали непонятный. Катание на лыжах с загоранием. Гострем умер

А п р е л ь 1 9 9 7 г.

2 апреля. Ельцин с Лукашенко Союз создали непонятный.

17 апреля. Провожали Марию Степановну Сухоиваненко на кафедре. Опять я «Узником» народ озадачил, одна Татьяна с Боголюбовской кафедры правильно автора назвала.

18 апреля. От Ивана по телефону узнал, что **Гострем умер** в доме престарелых, в мае ему 83 должно было исполниться. Про Этель и детей его никто ничего не знает.

21 апреля. Читаю с ужасом шедевр Никонова и Путинцева (дополнительные главы по молекулярной физике для школьников). Вот халтурщики-то! Доцент с профессором! А реакция у них на мою критику такая: – Спасибо, Александр Андреевич! Как скажете, так и сделаем, все замечания учтём!

Мне же легче за них учебник написать, чем все замечания сделать. Штук сто сделал, однако.

26 апреля. Ноль – плюс 4 градуса, ясно, ветер северо-западный, умеренный. Великолепно катался коньковым ходом по насту Большого Питьевого озера.

27 апреля. ПАСХА. Минус 3 – плюс 5, ясно, ветер юго-западный, умеренный. Катались с Сашулей по третьему маршруту, я – коньковым ходом.

29 апреля. 50 лет Терещенке (Е.Д.) в ПГИ справляли. Были в основном апатитяне (Иванов, Леонтьев, Щур, Сахаров, Белоглазов, Яхнин) и местная обслуга. Мы с Сашулей были приглашены на банкет для избранных, где я поднабрался, общаясь в основном с Леонтьевым и Щуром, за что Сашуля на меня справедливо рассердилась.

629. Май. Лебле в Мурманске. Ельцин с Мосхадовым мирный договор подписали. «Солдаты худеют, понимаешь, а генералы жиреют». «Пока ругаешь жизнь, она проходит»

М а й 1 9 9 7 г.

1 мая. Ноль – плюс 10 градусов. Катались с Сашулей по первому маршруту, я – коньковым ходом. У меня скольжение отличное.

2 мая. Плюс 9 – плюс 3 градуса. Прошёлся в раскоряку по первому маршруту по очень рыхлому снегу. И это было закрытие сезона.

5 мая. Серёжа Лебле прилетел из Архангельска. Без предварительного уведомления, хотя я его и ждал где-то в эти дни, но точного срока он так мне и не сообщил. А я должен был ему лекции спланировать, оплату организовать заранее. Он же первым делом у меня лимон занял на обратную дорогу: все деньги, мол, в Архангельске оставил (мать плоха). Пришлось мне попрыгать вокруг университетской бухгалтерии, чтобы успеть всё оформить за те два дня, что Серёжа тут собирался пробыть.

6 мая. Лекция профессора Гданьского технического университета С. Б. Лебле «Соли-тоны и хаос» на кафедре физики.

7 мая. С Серёжей у ректора и прощальные разговоры в ПГИ (после второй лекции) и дома.

8 мая. Садохов в отставку подал от меня. Не считает, мол, возможным для себя исполнять далее обязанности моего заместителя по учебной работе. Обиделся, что я его тезисы к публикации не принял. И вообще потакаю бессовестным Краеву и Вихореву, с которыми он тщетно борется. Блин.

12 мая. Ельцин с Мосхадовым мирный договор подписали несмотря на похищения журналистов. Хватило у Ельцина мужества признать своё поражение и напрасность пролитых кровей. Извиняться, правда, не стал, но встреча его с Мосхадовым в Москве – почти извинение. И на том спасибо.

17 мая. Студент из Томска по ТВ так определил современную власть российскую: «военно-православно-криминальная...»

19 мая. У ректора получил положительные резолюции на свои рапорты по поводу поездки в Англию на ЕИСКАТовский воркшоп и по компьютерному обеспечению кафедры.

Моё письмо Мите от 19 мая 1997 г.

Здравствуй, дорогой сынуля!

Прости, прости, что не пишем – замотались. Твоё письмо от **4—5 мая** к нам на почту пришло **12-го**, а мы его из ящика извлекли только в субботу **17-го**. Сразу не сел ответ писать – думаю: подожду, как «Балтика» со «Спартаком» сыграет, посмотрю отчёты во всех обозрениях, тогда уж напишу. В воскресенье вечером решил: напишу уж после того, как к ректору схожу насчёт командировки в Англию, на очередной ЕИСКАТовский воркшоп. Вот сходил сегодня, попросил командировать и тот согласился, клюнул на солидный том «Annales Geophysicae» с нашими статьями, представленными на предыдущем сборище со ссылкой на МГТУ, так что начинаю готовиться: запросил формальное приглашение для визы. Воркшоп состоится **23—27 июня** в Лестерском университете. Я туда два доклада заявил, их приняли, в программу включили, но поддержки не обещали. Вот, ректор выручает.

Я же ведь теперь у него на полную ставку работаю, а в ПГИ по совместительству. Терещенке я обещал, что осенью (в конце октября) вернусь на постоянную работу в ПГИ.

Но в университете я чувствую себя комфортнее, получаю больше, и если бы не нагрузка преподавательская ненормальная, то и не раздумывал бы, где работать на постоянной основе. У ректора, например, я сегодня не только поездку в Англию выключивал, но и компьютерное всякое добро. Так он и тут мне не отказал: наложил положительную резолюцию на мой рапорт. Конечно, эту резолюцию в железо чтобы превратить, придётся ещё посуетиться, но тем не менее новый Пентиум-200, принтер и сканер обещаны вкупе с умоощнением двух старых компьютеров.

А ещё ректор оплатил Серёже Лебле, напросившемуся, чтобы я его пригласил лекции почитать, дорогу, суточные и почасовые. Серёже-то на самом деле надо было в Архангельск смотаться, у него там мама плоха, вот он и затеял мне заботы с выколачиванием денег для него, предварительно заняв их у меня. В своём репертуаре, в общем. Причём мне пришлось по настоянию бухгалтерии писать объяснительный рапорт на имя ректора, почему мой профессор приглашённый через Архангельск в Мурманск из Гданьска летел (там, действительно, были отмены прямых рейсов), а Серёжа благодушно ляпнул в разговоре с ректором, что он, видите ли, очень любит северян, поскольку сам родом из Архангельска. Лекций он прочитал всего две, но достаточно артистично, так что народу (преподавателям нашей кафедры и кафедр высшей математики и технической механики, а также сотрудникам моей пэгэвской группы), похоже, понравилось, хотя поняли его всего человека два-три.

Серёжа меня испанскому обучал (кастильскому, то есть настоящему), удивлял произношением слов «уо» и «лама»: у него звучит как «дъё» и «дьяма»...

И теперь мы с ним е-мэйлами на испанском обмениваемся. Впрочем, у меня большие подозрения, что он его изрядно подзабыл. А в нашей переписке по-английски было такое (мама тебе писала, кажется, об этом). Он меня просил перенести сроки визита с апреля на начало мая, я ему ответил:

«Well, but skiing is better in April».

А он мне:

«Do gribov li?!» (Знаешь, конечно, откуда это – из анекдота: Петька – Чапаеву: «Василий Иванович! Белые в лесу!» Чапаев отвечает: «До грибов ли, Петька?!»).

С подачи Серёжи будем открывать в МГТУ совместно с кафедрой высшей математики специализацию «физическая информатика» (или «компьютерные технологии в физике»), чтобы было, куда моих лицеистов пристраивать.

По секрету Серёжа мне сообщил, что он собирается на постоянную работу в Гданьск переходить, вроде его берут, и квартиру там покупает. Что я и приветствовал. Рыба ищет, где глубже. Вообще же приятно было с ним повидаться, хотя он меня и обозвал садистом, а я его разгильдяем.

На твой ваучер нам заказали пятиместные апартаменты (Милочка с Павлом собираются с нами) в Беверли Хиллс Клуб в Лос-Кристианосе (на самом юге острова) с 3 по 10 октября, а следующая неделя (приветственная от RCI) – в Кальяо Гарден, это километрах в 15 западнее, так что готовься теоретически по Тенерифе, чего там и как. Интересно, в «Апокалипсисе» (про вьетнамскую войну) командный пункт (или командирскую землянку, или что-то в этом роде) называли в шутку почему-то «Беверли Хиллс» – откуда это, не знаешь?

Ну, а про футбол ты всё знаешь лучше моего. Может, и на «Торпедо» – «Балтика» был? Похоже, там «Балтика» не выглядела хуже соперника, и вообще выступает вполне адекватно составу, а где-то и не везёт (как Кантоне, например, в полуфинале). А Дзолла каков? Надо бы его в «Балтику» переманить. Или Роландо лучше? Но Шанталосов-то даёт! Зря его обижали.

Снег у нас ещё не весь растаял, и температура выше десяти редко поднимается. Боголюбов ещё и в День Победы на лыжах катался, а мы закрывали сезон 1-го (мама) и 2-го (я) мая, причём 1-го мая было очень неплохо при плюс десяти градусах.

Мои планы на лето (после Англии, если удастся туда поехать): поменять зубы (совсем меня замучили) на протезы и съездить в Калининград по поводу памятника для деда. На это, глядишь, весь июль и уйдёт, а там грибы надо будет запасать. Мама поедет в Калининград через Москву где-нибудь в начале июля, начнёте с ней поездку на Канары оформлять.

Твоим усердием научным довольны. Ты прав абсолютно: не идёт эксперимент – грызи теорию, читай литературу.

А у меня кроме работы одно развлечение сейчас – фотографии цветные увеличиваю, которые получше. Хорошо смотрятся. Ну, и испанским занимаюсь всё же по выходным, три урока осталось последних. Жажду твою кассету послушать.

На этом кончаю. Крепко тебя целуем, скучаем.

Папа, мама

P.S. В списке кандидатов в член-коррры (очень большом), опубликованном в «Поиске», много знакомых имён, штук пять известных геофизиков (Иванов-Холодный, Трахтенгерц, Ерухимов, Ораевский и я), но, главное, мой одноклассник Валерка Долгополов там же...

21 мая. Садохова и Никонова к званию доцента представляли на кафедре. Вихорев и Краев против Садохова голосовали.

22 мая. Ельцин Родионова с поста министра обороны отставил за то, что «солдаты худеют, понимаешь, а генералы жиреют».

23 мая. Хвиузова рассказывала: в Брайтоне можно услышать в магазине: – Вам послать или целым писом?

25 мая. Плюс 6 – 11 градусов. Загорал на столе у окна.

«Пока ругаешь жизнь, она проходит».

29 мая. У первой группы геологов экзамен принимал. Паша Соколов ошаршил испанской тирадой.

630. Июнь. Рассказ тёти Тамары. В Лестере, Стрэтфорде и Лондоне

И ю н ь 1 9 9 7 г.

6 июня 1997 г. Вторую группу геологов отмучил. Одна пятёрка, одна четвёрка, одна тройка, четыре пары, двоих не допустил, две неявки и один отказ от тройки.

12 июня. 33 года нашей совместной жизни с Сашулей. Хвиюзова у нас в гостях с рассказами о поездке в США.

Мои записки в поездке Петербург-Москва-Лестер-Лондон-Москва

14 июня 1997 г., суббота. 8 градусов тепла, пасмурно. Из Мурманска я с трудом уехал в аэропорт. Пришли с Сашулей к вокзалу утром – автобусов нет, народу на остановке 106-го полно: перед Троицей на кладбище едут. Маршрутное такси, к счастью, подкатило. Я в него уселся, полная машина набилась, да тут инспекция (две бабы) к водителю прицепилась. Долго его документы изучали. Не понравились они им:

– Оставьте наших пассажиров!

Можно подумать, у них тут куча автобусов простаивает, а водитель маршрутки пассажиров перехватывает. Пассажиры зашумели и велели водителю ехать, что он и сделал к моему облегчению.

В Питер прилетел в полпервого дня. Жарища 27 градусов. В 15.40 был уже в Сестрорецке. С порога – на кухню, помогать тёте Тамаре крошить продукты к праздничному столу. Без четверти пять гости собрались отмечать 45-летие свадьбы дяди Вовы и тёти Тамары: Володя и Галинка Куренные (фотокамеру подарили), тётя Валя (сестра тёти Тамары) и Люба – племянница, дяди Вити покойного дочка. Мать её – тётя Жанна не пришла, сославшись на больные ноги.

Огромное вытянутое блюдо с маринованной корюшкой (крупной, с икрой) опустошили с ходу минут за десять, а потом пировали остальным: салаты, студень, заливной судак, мясо. Я привёз шампанское, водку, сёмгу, икру тресковую в тубиках и коробку конфет «Золотая нива». Были заказанный торт, пирожные, ещё конфеты.

В этот день «Балтика» в Москве с ЦСКА вничью сыграла – 1:1.

15 июня, воскресенье. С утра побегал чудесно 1 час 20 мин в Дубках в новых кроссовках индонезийских, купленных на барахолке перед отъездом за 80 тысяч рублей. Сашуле они не понравились, а мне оказались само то – лёгкие, по ноге, амортизируют хорошо.

Потом длинный завтрак, переходящий в обед остатками вчерашнего пиршества. Неопикуемый рассказ тёти Тамары о похоронах, а до того – заказном убийстве кота, а до того – о попытках его лечить. Вот этот рассказ.

Бедный кот от аллергии отгрыз себе хвост, но не совсем. Понесли его к ветеринару (тётя Тамара и тётя Валя, а кот Жанкин), заплатили 20 тысяч за перевязку, а за операцию надо 50, а где их взять?

Решили – так заживёт. Стали, дома потом, сами перевязку делать втроём: двое за лапы кота держат, третья за хвост и перевязывает. Кот орёт, не даётся, вырывается. Кое-как перевязали, а он повязку тут же содрал, опять хвост грызёт. Ну, что делать? Усыплять его надо, чтобы не мучился. А это 50 тысяч платить. А где их взять?

Ладно, говорю, найдём мужика, чтобы за бутылку убил кота. Нашли соседа, хороший мужик, больной, не зарабатывает, за бутылку всё, что хочешь, сделает. А чем убивать-то? У Жанки ведь в доме ни черта нет, ни молотка, ни топора. Пожрать-то и то нет. Жанка – жадная. Сама пожрать любит, а в доме нет ничего.

Пошли во двор. В мешок кота завернули. Мужик утопить предложил его в озере, да мы не согласились: они живучие, долго мучиться будет. А самим жрать уже охота, а у Жанки нет ни фи́га. В общем, убил кота мужик кирпичом с двух раз. Хоронить надо. А у Жанки нет ведь ни фи́га, ни лопаты никакой, чем могилку-то рыть? Нашли какую-то деревянную лопатку, стали ею рыть, так у неё ручка сразу же отломалась. Кое-как, в общем, закопали. Пошли помянуть его, по пол-рюмочке выпили, а закуски никакой – у Жанки ни черта в доме нет. Всё.

Я рассчитывал позагорать в Сестрорецке, но хотя было тепло – солнышко спряталось, и прогноз был: циклоны с похолоданием и дождями.

16 июня, понедельник. С утра отправился в Консульство Британии у Смольного. Занял очередь на улице за полчаса до открытия десятым примерно. Через 2 часа у меня приняли документы и велели прибыть за паспортом в 16.30 сего же дня. А я волновался! Очень чётко у англичан всё налажено. Из консульства пошёл по банкам бродить – от «Невского паласа» до Галерной у «Медного всадника». Выяснял возможности отправить в Англию деньги за коммунальное обслуживание нашей дачи в Клубе Сан-Антонио. Через «Вестерн Юнион» проще всего, но надо указывать имя и фамилию получателя, а у меня только адрес фирмы. Потом вернулся в консульство, получил паспорт с визой и – в Сестрорецк. Сашуля звонила негодующе – факса из Англии нет! (Обещали факсом банковские реквизиты выслать.)

17 июня, вторник. Жуткая холодина, ветрюга, дождь. Поехал в ААНИИ командировку отмечать. Там никого нет, все в отпусках уже, но наткнулся нечаянно на Наталью Благовещенскую. Она тоже в Лестер летит, а у неё дочь Настасья (25 лет, биохимик, через полтора года аспирантуры диссертацию защитила) сейчас в Лондоне по гранту обретается. Я, конечно, вцепился со своими почтово-финансовыми проблемами и выпросил Настасьин телефон: может, она сейчас за меня заплатит (до дедлайна), а я Наталье деньги хоть тут, хоть там отдам.

Из ААНИИ я отправился в железнодорожные кассы у Казанского собора за билетами на поезд на Москву на сегодня же вечером, оттуда под Арку на Дворцовой площади по телефону звонить – Мите и Настасье в Англию. Настасья на службе нет – дома работает. А телефон только рабочий. Тогда позвонил в Care International и сообщил, что я факса не получил, сам уже в Петербурге, завтра буду в Москве, а платить хочу из Англии, если они штрафа не наложат. Обещали не налагать. Приехал в Сестрорецк – Сашуля звонила, факс пришёл.

Дал Бургвицам 400 тысяч – на хозяйство дачное. Тётя Тамара слезу пролила: чего это дядя Вова так на неё смотрит, как будто она эти деньги выпросила. Хотя элемент выпрашивания, конечно, был. Ельцина ненавидят вовсю, как и Чубайса, и Гайдара. Жалуются на нищету, но живут не голодно. Вечером уехал в Москву.

18 июня, среда. Из-за аварии товарняка накануне поезд опоздал на 2 часа. Митя меня встречал. Закинули шмотки в комнату, позавтракали (ж/д пакетом) и пошли в УМО. По дороге выяснилось, что в Эдинбург Митя уже не целится, а хочет попасть на Школу в сентябре в Италии. Ездили с ним в центр отправлять его заявку на эту Школу через Международную Почту. Вернулись в ГЗ, пообедали (по 14—15 тысяч обед). Митя поскакал в лабораторию, а я в универмаг «Москва» за постельным бельём и подушкой, но до того на ВМК выяснил про специализацию «Математическое моделирование» и отметил командировку.

Вечером балдел от Митиной «Сони» – и от музыки, и от испанского, вот чем бы надо здесь заниматься, а не носиться по столице! Слава Богу, не жарко хоть – и сюда циклон дошёл.

«Балтика» – «Зенит» – 2:2. На последней минуте зенитовцы в свои ворота гол забили.

19 июня, четверг. Купил в ГЗ 160 фунтов стерлингов, больше не нашлось. Попытался найти их в окрестностях МГУ и на Ленинском проспекте – без результата. Вечером Милочка звонила Мите в лабораторию, просила ей билеты на Канары покупать, а с Павлом так и не ясно до сих пор – поедет или нет.

20 июня, пятница. Утром Митя с Михеичем в футбол играли с преподавателями, а я пытался их сфотографировать. Митя при счёте 4:4 забил на радость мне, да и всей команде обалденный гол – в падении через себя под перекладину. Такие не у всякого футболиста в жизни случаются. Даже соперники аплодировали.

Вообще играет сынуля очень прилично, неожиданно даже для меня. Например, такой вопль был слышен: – На ворота навешивай, там Намгаладзе верховой выигрывает!

Это при том, что Митя самый малый на поле. Но в футболке с надписью «Баджио» на спине (что в Испании купили). И в воротах нормально стоял, не пропустил, а один раз даже выручил – спас от гола. В общем, порадовал меня сынуля. Очень даже сильно.

А после футбола я побегал по резиновой дорожке стадиона. Ой, как здорово! Тут я почувствовал, что у Мити здесь по-настоящему счастливая жизнь. Работой увлечён, футбол, друзья, всё есть, ко всему приспособлен. Слава тебе, господи!

Днём Митя трудился в лаборатории, а я ездил в RCI. Спрашивал у трёх милиционеров, где тут Космодамианская набережная – не знают. У рыбака спросил – в канаве снасти полощет – тоже не знает. А ею оказалась противоположная набережная этой канавы, о чём и написано крупными буквами на стене дома на той стороне. Дом же этот – шедевр современного зодчества – «Риверсайд Тауэрс». Там RCI и находится. Оказалось, моей заявки в компьютере нет. И сдачи недели в банк тоже нет. Права качать я не стал, перезаказал на новое место. Потом опять фунты искал без успеха. И еле успел, не заходя домой, встретиться с Митей в условленном месте у «Балатона», чтобы ехать к семи в гости к Бирюковым. Купили тёте Майе цветы и шампанское, дяде Гене баночку красной икры и заплатили 20 тысяч штрафа за безбилетный проезд в автобусе.

У Бирюковых хорошо поели, и Митя сбежал полдевятого к себе в лабораторию, а я ещё сестёр своих заставил со мной по телефону поговорить за их счёт. Ночевать оставаться я не захотел (чтобы побегать утром по стадиону), да Майечка и не предлагала. Уехал около полуночи и долго блуждал вокруг ГЗ в поисках входа в корпус «В». Митя не предупредил, что переходы между корпусами все на ночь закрывают. Из двоих парней, у которых я расспрашивал дорогу, один был крепко пьян и весьма агрессивен, чем-то я ему не понравился, но второй его удержал. А у меня в сумке куча денег была для закупки фунтов. Мите я потом выговорил за «московское гостеприимство» – бросил меня выпившего с деньгами на ночь глядя. С Митей же мы не пили ни разу до Бирюковых.

У них, к слову, Андрей пьёт по-чёрному. Ребёнка своего пьяный уронил, месяц в больнице потом пролежало дитя с матерью. Из машины у него украли сумку со всеми документами, ключами и кучей денег, на таможне заработанных. Как раз он позвонил при нас, что документы ему подбросили, так Гена как ребёнок радовался. Это у него не первый случай уже, говорит. Боится, что с работы выгонят.

21 июня, суббота. С утра 11 кругов пробежал по стадиону, пока Митя спал. После завтрака Митя в Ленинку отправился, а я загорать на стадион, где и пишу эти строки.

22 июня, воскресенье. Шереметьево-2, уже за кордоном.

Встали с Митей в 5.40 и около 8.30 были в Шереметьево-2, за два часа добрались от общаги.

В Шереметьево у девочки шарик улетел. Девочка плачет, шарик улетел, её утешают, а шарик висит, упёршись в потолок, невысокий в этом месте, и верёвочка от него свисает с колечком. Чем бы достать? Я решил попробовать зонтиком. Митя воспротивился моей попытке – не смей, мол, публику. Но я зонтик достал, раскрыл его и попытался зацепить

краем спицы зонта за петельку. Просто стоя, я не доставал сантиметров десять. Начал подпрыгивать с зонтом, но попасть спицей в петельку с прыжка можно было, наверное, только в одном случае из ста, долго бы пришлось прыгать. Надо высокого найти. Ну и нашёл одного мужика, моего возраста, а ростом заметно повыше. Тот без проблем зацепил моим зонтом шарик за петельку, а я вручил шарик девочке. Доставил радость. Родители благодарили за изобретательность. Армяне, похоже. А я Мите говорю:

– Вот чего же ты не хотел девочке помочь? Нехорошо. Теперь же будет что в мемуар записать.

Что и делаю сейчас, расслабившись в кресле перед посадкой в самолёт (А310).

Над Лондоном летели очень низко, хорошо было видно Темзу, парламент. Садись чуть ли не в грозу, и до конца дня солнышко показывалось между ливнями. Первый контакт с симпатичным «бобби»: – Где тут коучи на Лестер?

Тот показал и объяснил подробно, как идти.

А до того искал и нашёл офис Аэрофлота, отметил обратный билет и поменял кроны и марки на фунты (менее выгодно, чем в Диалог-банке предлагали). Взял билет до Лестера и посидел в кафе с пакетиком сока апельсинового за 50 центов 100 граммов и со своими крекерами. В кафе объявление: «Птиц не кормить!» Воробьи местные садятся прямо на столы и готовы из рук кормиться.

В кассе автостанции мне сказали, что автобус (коуч) на Лестер (и далее) отправляется в 15.30, на стоянке было указано время отправления 15.45, а отправился он в 16.10 и прибыл в Лестер где-то около 18.40 вместо 18.15 по расписанию. Из-за плохой погоды якобы. И в самом деле, движение по шоссе было хоть и многорядным, но не быстрым в сплошной колонне машин.

Первые географические впечатления: пейзажи как в Калининградской области, только дороги раз в 10 шире и каштанами не обсажены, и движение левостороннее. Массивы краснокирпичных домиков с микроскопическими дворами.

В Лестере из автобуса вылез – закачал. Доехал до Стэмфорд Холла (университетский Центр конференций в Оадби, где заседают и тут же живут, – это километрах в четырёх от самого университета, который находится практически в центре самого Лестера) за 5 фунтов 50 центов на такси, из них 20 центов на чай оставил. А автобус местный за 80 центов довозит, как сказал мне сосед по общаге (пятикомнатный блок с общей кухней и сортиром) – Андрей Литвин из Гренобля, стажёр с кафедры физики атмосферы СПГУ, после четырёх курсов, бакалавр.

Стэн Каули – профессор, главный редактор «Анналс Геофизика», шеф группы Радио и Космической Плазмы местного университета – тепло встречал всех прибывающих и провожал каждого до его комнаты. Рассчитался с ним за все брони – 322 фунта. На кухне – какао, чай, кофе, сахар, молоко в холодильнике, чем и запивал свои сухарики, крекеры, пряники и булочку с самолёта.

23 июня, понедельник. С утра побегал восхитительно по туманному Альбиону в жуткой сырости, но с южными ароматами зелени. После завтрака пошёл в собственно Лестер, точнее в его центр. И в первом же банке (через сорок минут ходьбы – Ллойдс Бэнк, Ландон Роуд, Оадби) отправил за бесплатно деньги за «дачу». Захотел сфотографировать банк, перекрёсток и вид вниз к центру Лестера – оказалось, камера не работает. Решил, что дело в батарееке и пошёл дальше до ближайшего фотомагазина. Там выяснилось, что батареека в порядке, а вот работает только одна программа из множества видов съёмки. Похоже, что камера отсырела, вчера я её на боку таскал полдня в местной сырости. Обидно.

В обед Матиаса встретил, а когда постер развешивал – Дэйв Айденден подошёл. После заседания с обоими одновременно общался у себя в номере, а после ужина с Натальей гулял по пустынному Оадби. В тупиковый центр забрели. А после открытия первого заседания

такой ливень обрушился на зал заседаний – крыша грохотала и заглушала речь первого докладчика (Алкади). Народ с юмором к этому отнёсся. Кормят хорошо, вечером за отдельную плату вино подают. На халяву попробовал мускателя французского, очень неплохого.

Дом Шекспира в Стратфорде. 26 июня 1997 г.

24 июня, вторник. В первый утренний перерыв бегал в Лестер – искать книжный магазин университетский. Нашёл быстро – случайно прямо на него вышел. Долго рылся в Клеточной Биологии, но понял, что всё это – учебники, и ничего не купил. Еле успел к концу обеда. Вечером очаровательно погуляли с Матиасом и Клаудией (его женой) по центру Лестера (пешеходная уже более 200 лет улица и прочие древности) и посидели в «Жирном Коте» (ели лосося с картофелем и красным вином) и поболтали о том, о сём, включая работу, детей и Ельцина. Я на английском, Матиас на русском, Клаудия больше на немецком с Матиасом, но понимает она все языки (я её спросил: – Шпрехен зи дойч? (Говорите по-немецки?) – Она глаза на меня вылупила, а я тут же заявил: – Абер ихь ниht! (А я нет!), но иногда вставлял немецкие словечки), а под конец мы с Матиасом на испанский перешли.

Матиас с женой приехали сюда на своей машине (паромом переправлялись) – красной «Хонде» весьма внушительных габаритов. Матиас хотел меня на ней в общагу отвезти, но я отказался ради пеших трёх с половиной километров (от его отеля) перед сном, которые и преодолел только что.

P.S. А аппарат-то просох и заработал к моей великой радости!

25 июня, среда. Опять густая морось легла, бегал в мокроте. И закачало после бега, видать, давление на погоду реагирует. И аппарат снова отказался работать в такую сырость (кроме режима SNAP).

Моё командировочное удостоверение специально в Лестер возили, чтобы печать поставить. А после ланча экскурсия в замок Warwick и в Стрэтфорд на Эйвоне (родина Шекспира). Замок и окрестности очень живописны (погода, к счастью, существенно улучшилась), но более всего мне композиции в Кинг Мэйкере понравились. А по Стрэтфорду три часа бродил, не заходя никуда – деньги экономил. Много молодёжи в шекспировский театр направлялось.

26 июня, четверг. Ещё промозглее, с ветром, даже не бегал. Мой доклад – первый. Выступил хорошо, вопросы были. Матиас сказал, что так заслушался, что не успел меня сфотографировать, хоть и готовился. На постерной сессии активно пообщался с Филом Вильямсом и Фуджии (который возглавлял тут целую бригаду молодых япончиков), последнему кучу оттисков отдал на всю японскую команду. Нюгрен предлагал по томографии сотрудничать. Андрей Литвин очень подробно про модель расспрашивал.

Вечером (с 18.30) reception в баре (бесплатно вино красное и белое, а за деньги – пиво, которое предпочитала молодёжь) и после – conference dinner (товарищеский ужин). Посидели неплохо с Матиасом и женой его (слева от меня), Стэном Каули, Денисом Алкади и Андреем Литвином (напротив). Интересно, что мороженое давали после жареных крабовых палочек перед мясом. Вино было красное сухое и белый мускатель (чуть полусладкий) и было сервировано по два бокала каждому из расчёта пить и то, и другое. Молодёжь у нас почти целую бутылку белого увела в обмен на пустую, как я в былые времена из-под Мигулина.

27 июня, пятница. Ветрюга не унимается, но первые полдня хоть было сухо, а к вечеру и дождь пошёл. Последнее заседание, в перерыве которого я позвонил, наконец, в Sage International и уведомил о своём платеже. Обучение обращению с телефоном-автоматом стоило мне 40 пенсов, а потом я истратил ровно фунт. После ланча (а перед ним я подарил одну бутылку водки Тюдору Джонесу – декану факультета физики и астрономии, работы которого с Ришбетом я изучал ещё в начале своей модельерской деятельности, вторую – по окончании ланча Стэну Каули) около часа отвечал на вопросы Дэйва в своей комнате, после чего нас с ним отвезли в Лестер, где он вылез у вокзала, а меня переселили в гостиницу Stoneycroft House, где и пишу эти строки перед телевизором (Уимблдонский турнир начался), сбежав на вокзал и позвонив бесплатно в Лондон по телефону заказов гостиниц, где мне сообщили, что надо карточку кредитную иметь и посоветовали ехать на вокзал Виктория, там, мол, можно и без кредитной карточки заказать. В ходе этой прогулки купил путеводитель по Лондону за 3.75 ф.с.

В 18.45 за мной заехал Тюдор и повёз ужинать «на ферму», куда подъехали Стэн с женой и двумя сыновьями 14 и 12 лет, а потом жена Стэна ещё и за дочкой лет восьми съездила на машине. Славно посидели с пивом. Меня угощали «мясо-почечным пирогом» (Steak and Kidney Pie) – очень вкусно и мало на что похоже: мясо с почками запечено в тесте в глиняной сковородке, как бы слоёный пирог с очень нежно хрустящей оболочкой, мягкой, не жёсткой. Сказали, что типично английское блюдо.

Все взрослые за рулём, но пиво употребляют (Стэн около литра выпил, Тюдор поменьше, жена Стэна – два бокала тёмного «Гиннеса»). Тюдор меня домой, то есть в гостиницу отвёз. По телевизору показывают: Record Rain. Всю Англию залило (а в мае у них засуха была), Уимблдон в грязи по уши почему-то, не понял, откуда грязь.

28 июня, суббота. Проснулся в новой гостинице около шести утра, глянул в окно: морось. Решил не бегать, а поспать ещё – поберечь силы для прогулок по Лондону. Позавтракал, стал собираться на поезд 10.15 (они каждые 45 минут ходят, накануне был на вокзале, посмотрел расписание. Гляжу, что такое? Кое-какого барахла нет – рубашек, трусов, плавок, оставил в общежитии в шкафу, так собирался там второпях!

Что делать? До общежития сорок минут ходу, туда – обратно – полтора часа минимум, их придётся вычестить из прогулок по Лондону. Может, чёрт с ними, с рубашками? А если бегом? Для чего у меня шорты и кроссовки? Авось, уложусь меньше, чем за час! И рванул. Под дождиком. Вместо того, чтобы до завтрака – побежал с полным желудком.

Добежал за 20 минут. Всё закрыто, конечно. В одном окне на первом этаже административного домика свет увидел, женщина молодая сидит, но дверь заперта и звонок выдран. Постучал в окошко, она вышла, объяснилась: мол, стоял тут вчерась, да забыл барахлишко кой-какое. Ушла куда-то, вернулась с ключами: – Пошли искать. Какое барахлишко-то? (What stuff?) – Да пара рубашек там, трусы и прочее.

Пришли, открыли. Я всё своё выгреб в мешок припасённый, раскланялся (мол, сори, вот такой я профессор – повсюду вещи забываю. И обратно побежал. Душ принял и на вокзал. Уехал поездом 11.45 за 24.40 ф.с. (долго не мог поверить цене, почему-то решил, что должно быть порядка двух фунтов – банкноты спутал отложенные на билеты). Уютный поезд

домчал до вокзала Сант-Панкрас за полтора часа. На вокзале в туалет сходил за 20 пенсов. Здание вокзала снаружи понравилось, сфотографировал.

Вокруг походил: отелей – прорва (микроскопических, правда). И обменник рядом. В обменнике поменял сто долларов на 58 фунтов и в первый же отель сунулся. 25 фунтов. Я ожидал 40. Посмотрел комнату – с телевизором. О'кэй. Девушка дежурная полячкой оказалась, два года только как в Лондоне, по-русски говорит. Расплатился, два фунта в залог за ключ оставил и – вперёд!

По путеводителю, конечно, сориентировался и поскакал, грубо говоря, на юг или юго-юго-запад. На юг, скорее. Мимо Университета, Британского музея и Библиотеки, Национальной галереи, Трафальгарской площади (!), откуда повернул слегка назад мимо площади Ватерлоо к Пикадилли (сёркус и улице)!! Где-то между Трафальгарской площадью и Пикадилли (или на Пикадилли-стрит) решился-таки купить Мите Signal Transduction за 25 фунтов. С Пикадилли свернул в Букингэмский парк (точнее, в Грин-парк), через который вышел к Букингэмскому дворцу (!!!), оттуда к Вестминстерскому кафедральному собору (!) и по Викториа-стрит к Вестминстерскому аббатству и парламенту с Биг-Беном (!!!!!). Фотографировал, конечно.

На обратном пути истратил 7 фунтов на альбомы и открытки с видами Лондона и 5 фунтов на красное вино (французский Кларет из Бордо 1995 года), хотя видел до того и подешевле, но боялся, что магазины закроют, а около гостиницы магазинчик был открыт, где можно было купить красное за 3.25. Но вот сейчас пью Claret и балдею – очень мягкое и вкусное вино, не жалко фунтов!

Запомнилось: болельщики у телевизоров во всех пабах с пивом орут (Британские Львы сборную Южной Африки по регби обыграли), наркоманка спит с открытым ртом на Лестерсквере, народу гуляющего прорва (суббота!), попрошайки на ночь в спальниках устраиваются на крылечках и мелочь просят. У них её побольше, чем у меня купюрами. С живым гвардейцем народ вовсю фотографируется около Queen's Garden недалеко от Трафальгарской площади. Погода была отличная: сухо, не жарко, иногда солнышко проглядывало.

29 июня, воскресенье

Проснулся в 6, в 7 пошёл завтракать вниз. Столовая на 12 человек. Француз требовал стакан для сока, а не рюмку (стопку) и гневно возмущался.

В 8 побежал по Gray's Inn Street к собору Св. Павла (! – хотя зажат он весьма), оттуда на набережную Темзы и по ней к Тауэру (!!!) и Тауэр-бридж (!!). Фотографируя, добрался за 2 часа. У Тауэра купил Ирине «Лондон и его окрестности». Обрато мимо Банка Англии промеж небоскрёбов (!) мимо Музея Лондона (!) добежал за 1 час 10 мин. Погода была как и накануне – самое то по городу бегать. И спасибо Индонезии – за кроссовки!

Из гостиницы я должен был убраться в 11.00. Опоздал минут на десять, ещё 20 собирался. До Хитроу на метро добрался минут за 50, заплатив 3.50 ф. с. Очень медленно шла регистрация, так что я еле успел потратить на сувенирный английский чай последние металлические фунты (да ещё не на тот терминал пошёл сначала). Сумку красную не удалось в самолёт протащить, пришлось сдать в багаж. Вылет задержали на час из-за перегруженности Хитроу.

И вот уже над Францией (или Германией уже?) лечу. Бай-бай, туманный Альбион, увидимся ль ещё?

631. Июль. Главный редактор «Вестника МГТУ»

И ю л ь 1 9 9 7 г.

1 июля, вторник. Митя меня встретил в аэропорту, очень обрадовался книжке, тут же на автобусной остановке в полупотьмах стал её изучать. Мы впритирку успели добраться с одной пересадкой на метро до университета. Легли в 2, встали в 8.30. Я побегал, позавтракали, позвонили в «Премьер», «Анталес», «80 дней» насчёт билетов на Канары: – Рано ещё, – говорят. – Цены не определились. Потом я пошёл на физфак командировку отметить – безрезультатно, после чего позагорал часик на стадионе, а Митя бегал на работу.

Затем мы обедали в столовой, а до того пытались перекрыть кран горячей воды, и я ушиб голову. Потом я опять на физфак – удачно. Затем с Митей в «Сделай сам» купили напильник, присматривались к этажеркам на колёсиках. Потом на базар за жратвой, к девяти в лабораторию – с Милочкой и Ириной по телефону поговорили. Потом ужин с пивом, и распростились у метро – Мите вставать рано. А я отправился поездом в Мурманск, куда и прибыл благополучно сегодня (**2 июля**) около полудня.

Накануне, Сашуля говорит, с утра было +24 градуса до обеда, а потом задул северный ветер и дождь пошёл. Сегодня +12 градусов, нормально.

3 июля. В университете узнаю: меня, оказывается, уже главным редактором несуществующего «Вестника МГТУ» назначили, ректор приказ издал, а его самого сейчас нету. Я к Чечуриной: – Майя Николаевна! Как это так: без меня меня женили? Я ведь с ректором свои условия не обговаривал!

(Чечурина – проректор по экономическому образованию – вела со мной предварительные разговоры насчёт того, чтобы я возглавил общеуниверситетский научный журнал типа «Труды МГТУ», и я в принципе согласился на условиях полноценного обеспечения этой работы помещением, штатами, техникой – компьютеры, сканеры, принтеры, факс, электронная почта – и зарплатой).

Она меня успокоила: – Не волнуйтесь, ректор на все Ваши условия согласен, я с ним разговаривала. Только он очень хотел бы, чтобы к Международной конференции, которая в октябре в МГТУ состоится, вышел бы первый номер журнала. Представительский, так сказать.

– К октябрю это очень мало вероятно. Народ почти весь уже по отпускам разъехался. Кто сейчас статьи готовить будет?

– Я понимаю. Уж как получится. Но Вы постарайтесь.

Ну, ладно. Придётся начать этим делом заниматься – требования к рукописям сформулировать, самому статью образцовую написать. А там посмотрим.

4 июля. Интересно: погода ясная (ветер северный, слабый) а температура воздуха утром всего +6 градусов. К вечеру, правда, до +15 поднялась.

6 июля. А сегодня после обеда уже +24 градуса!

Проводил Сашулю в отпуск, в Москву, там они с Митей должны уладить все вопросы по поводу виз и билетов на Канары, а из Москвы Сашуля в Калининград поедет.

8 июля. Телефон дома поставили! «Народный телефон» – называется. За три лимона с лишним (шестьсот долларов). Обещали в течение года поставить, а поставили через полгода. Сбылась Сашулина мечта!

10 июля. Началась зубодёрная эпопея. Протезист велел весь верх убрать, а у меня там семь с половиной зубов парадантозных осталось (половину одного я сам в прошлом году дома себе выдрал) и два мудрости. Молоденькая, но решительная девица выдрала мне сегодня первые полтора зуба. Без проблем.

13 июля. Температура воздуха утром +6, вечером – +19 градусов. А четыре предыдущих дня – плюс 8—9 градусов.

14 июля. Плюс 12 – плюс 25 градусов. Четыре зуба верхних передних зараз выдрала мне девица. Не очень чтобы приятно.

15 июля. Ещё два зуба выдрал сбоку, а зубья мудрости мне девица не стала драть: – Оставьте, хорошие зубы.

Загорал на камнях на ближнем озере (+26 после обеда).

17 июля. Плюс 28 градусов!

18 июля. Плюс 25. Загорал на Семёновском озере.

Роман – прелесть! Я ему велел обзорную статью на английском для «Вестника» лепить из наших опубликованных и неопубликованных трудов, и он мне на это ответил:

– Как говорил Остап Бендер, дело я своё люблю, от работы не бегаю, давайте!

Я ему:

– Не уверен, что так говорил Остап Бендер, но ты мне каждый раз так отвечай! Молодец!

22 июля. Валера Яров (он в приёмной комиссии в этом году) Оке Микаэльсона из Лулео притащил ко мне в ПГИ. Тот на него случайно набрёл в поисках связей с университетом. Здоровый такой швед. Эколог. Сотрудничает с нашим областным комитетом по экологии, порусски неплохо говорит. Я ему пообещал раздобыть бумажки с информацией о предстоящей осенью конференции северных университетов в МГТУ, кофеом попоил. Приятный парень.

25 июля. Был на приёме у ректора по вопросу моего редакторства. Высказал ему своё удивление, что в моё отсутствие меня главным редактором назначили. На это ректор ответил, что он так понял Майю Николаевну, что я своё согласие уже дал, а он, в свою очередь, на все мои условия согласен. И принялся уговаривать меня оставаться в университете на постоянной работе.

Я посетовал на преподавательскую нагрузку – большая, мол, очень, а я всё же хочу оставаться действующим учёным.

– Да Вы вправе сами себе любую нагрузку установить!

Я пообещал подумать. Посмотрим, как дела пойдут. Пока-то мне здесь нравится больше чем в ПГИ. И если всё обещанное в части оборудования, штатов и зарплаты будет выполнено, то никакого особого смысла возвращаться в ПГИ не будет. Даже если Терещенко откажет мне в совместительстве.

26 июля. Мите 22 года! В Мурманске сирень цветёт. Температура плюс 8—11 градусов.

31 июля. Иностранное тело в рот засунули – верхнюю челюсть из пластмассы. Не сказал бы, что нравится. Но вид у зубов снаружи ничего.

632. Август. Дядя Серёжа Мороз умер. Памятник моим родителям

А в г у с т 1 9 9 7 г.

2 и 3 августа. Загорал на ближней горке у озера. Температура днём до 26 градусов поднималась.

6 августа. От тётки Тамары по телефону (поздравлял её с днём рождения) узнал, что дядя Серёжа Мороз умер от инфаркта, хоронили 25 июля. Ему было 84 года. Он научил меня фотографировать и привил любовь к этому делу. Без высшего образования, он был удивительно интеллигентным человеком.

7 августа. Сашуля прибыла из Калининграда. Изнервничалась там вся по поводу памятника моим родителям, но всё сумела сделать.

А в Москве она у Юры Саенко в гостях побывала! Обращалась к нему по поводу билетов на Канары (он по такого рода делам билетным теперь бизнесмен, некрупный, правда). С билетами он помочь не смог, а в гости пригласил. Тепло встретил. Жизнью доволен. Про науку не вспоминает. Новая жена, новая деятельность. Кто бы мог подумать?

У Маринки в Калининграде тоже новая семья. Тоже довольна. Сыновья же при отце. В том смысле, что в Москве. Они его и трудоустроили. Забавно.

8 августа. Температура воздуха плюс 18—27 градусов.

Сашуле – 54! Ходили с ней за Ленинградку, на правую горку. Нашли один маслёнок, две сыроежки, несколько горькушек. Нет грибов.

Разглядели с горки, что народ купается в озере у карьера, и пошли туда. Купались три раза, вода градусов восемнадцать, вполне приятно плавать.

Вечером Града и Татьяна Хвиузова у нас в гостях.

11 августа. Иринке 32 года!

12 августа. Любе – 52!

15 августа. Митя получил приглашение в Италию на Школу по клеточной биологии! Он туда посылал заявку и тезисы доклада, мы с ним вместе ездили их отправлять международной почтой (где-то рядом с Ленкомом), когда я в Москве был (смотри запись от 18 июня).

Моё письмо Мите от 15 августа 1997 г.

Hello, sonny!

We are very glad to know about the invitation for you to Italy, congratulate and wait for the further information from you. Both of us, mama and me are working now and plan to go tomorrow to the forest to pick up mushrooms if they will be there.

Kiss you, dad.

16 августа. Ходили с Сашулей за Ленинградку по правой трассе. Грибов нет. Набрали четверть корзины хороших красных сыроежек на болотах.

Ирина с Мишей, Алёшей и котом Тимкой. Калининград, лето 1997 г. Иринке 33 года

21 августа. С Терещенко насчёт моего возвращения в ПГИ беседовал. Сформулировал ему свои условия: 1) зарплата не ниже, чем в университете, то есть доплачивать за профессорство; 2) техника вычислительная на необходимом уровне; 3) никаких препятствий для работы по совместительству в университете; 4) хотя бы раз в год поездки на основные геофизические сборища независимо от наличия грантов; 5) городской телефон и прочие мелочи типа пользования институтскими факсом, ксероксом, почтой без унижительного писания служебных записок «Прошу разрешить...».

Терещенко отвечал, что понимает мои требования, но в отношении зарплаты не считает возможным выделять меня среди остальных сотрудников ПГИ. Это, мол, вызовет справедливое неудовольствие народа.

На что я возразил: – Выделяйте не меня персонально, а профессоров. Их всего-то двое в ПГИ – я да Лазутин.

Реакция его на это была такая: – Ещё чего не хватало: Лазутину зарплату повышать! И вообще: чего Вы себе цену набиваете?

– Ценен не только я сам по себе. Речь идёт не только о моём личном благополучии. Для меня прежде всего важны условия для развития нашей модели, для обхода наших конкурентов по качеству научных результатов.

– Подумаешь, модель! Какая от неё институту польза? Кому она в ПГИ нужна?

– Леонтьеву, например. Мы же с ним сделали совместную работу по интерпретации его оптических данных с помощью нашей модели.

– Ну, что это за работа? Тезисы какие-то коротенькие.

– Не только тезисы. Нормальная статья полноценная в ЖАТР. И Ляцкий благодаря нашей модели КОСТЕПовский грант получил. И Черняков жаждет свои спутниковые данные по интегральному электронному содержанию с помощью нашей модели объяснить, у меня руки до этого просто не доходят.

– Ну, подумаешь, Черняков. Что у него там за данные!

– Я и ваши бы томографические результаты мог бы интерпретировать, если бы доверял им. Вы же знаете мои претензии к вашей методике. Так что вопрос использования модели в ПГИ упирается не в модель, и не в наше нежелание работать с институтскими данными, а в то, что эти данные существенно уступают тем, что публикуются в зарубежных журналах. А от Вас, как от директора института я до сих пор вообще не слышал каких-либо предложений хотя бы обсудить возможности использования модели в институте. Вон, с норвежцами мы только малую толику наших возможностей успели реализовать у них в обсерватории, а сколько пожеланий у них сразу появилось!

От скептицизма в отношении нашей модели Терещенко перешёл к нападкам на университет, какая, мол, это контора паршивая, бесперспективная, кому она нужна, кто на неё будет деньги тратить, и т.д., и т. п. Чувствовалась его глубокая обида на ректора, который, в сущности, вынудил его уйти из университета как не справившегося с обязанностями заведующего кафедрой судовых радиотехнических устройств. Терещенко кафедру пустил на самотёк, а кадров там сильных не оказалось. Один был у него настоящий помощник – Власов Пётр Петрович, да и тот внезапно помер. Уйдя из университета, Терещенко начал прижимать в ПГИ всех совместителей, на бывшей его кафедре работавших: работайте, мол, в своё свободное время, а с 8.30 до 17.30 должны в ПГИ находиться. Офонарел совсем.

Университет в моей защите, конечно, не нуждался. Я только заметил по этому поводу, что у меня там для работы условия лучше, хотя и свои проблемы тоже, конечно, есть, особенно с нагрузкой преподавательской. Но в целом, возвращаясь к основному предмету разговора, я свои условия возвращения в ПГИ сформулировал, а уж он, Терещенко, пусть решает – нужен я ему или нет.

Терещенко ответил, что как совместитель я ему не нужен. Я ему нужен как доктор наук в штате, это повышает вес института. Что касается моих условий, он должен подумать. На том и разошлись.

22 августа. Утром собрался за грибами, да встретил соседа Федю, который ночью аж к аэродрому бегал и ничего не нашёл. Он меня отговорил.

23 августа. Ездили с Боголюбовыми на 24-й километр Серебрянки. Нашли 33 подосиновика, 5 подберёзовиков, горькушки, сыроежки.

29 августа. Миша Волков подал заявление об увольнении из ПГИ: я его к себе на кафедру в доценты беру. Аналогичная ситуация – в ПГИ за доцентство не платят, а Миша к зарплате не равнодушен. Терещенко Мишу к себе пригласил и стал уговаривать не уходить. Оказывается, он его очень ценит. Предлагал сектор возглавить – наш! При живом его руководителе – Намгаладзе. Разряд обещал повысить. А если уйдёт, то совместительства ему не видать, пусть не надеется.

Миша заколебался. Прибежал ко мне советоваться. Я ему сказал:

– Смотрите сами. Вы же Терещенко знаете. Сейчас он Вам руководство сектором предлагает, а завтра этот сектор ликвидирует, если только я в ПГИ не вернусь, да ещё и Олег если в университет перейдёт. Кто в секторе останется? Он чисто формально будет прав: нет людей – нет сектора, нечем Вам руководить. А место доцента пусто не бывает, такую возможность не следует упускать.

Миша всё это прекрасно понимал и всё же колебался. Ему бы, конечно, хотелось и доцентом стать, и в ПГИ по совместительству остаться. Но выбрал он всё же университет. Не забыл как Терещенко его в старшие научные сотрудники прокатил.

31 августа. Ходили с Сашулей по правой трассе с 7.40 до 16.50. Принесли две корзины по 6.5 кг: 22 подосиновика, 16 подберёзовиков, 4 моховика, 1 маслёнок, горькухи, свинухи (!), чёрные грузди, сыроежки.

633. Сентябрь. Первая лекция по физике программистам. Поездка Мити в Италию на школу по липидной сигнализации. Предложение аспирантуры у Даниелы Корды

1 сентября. Прочёл за Власкова первую лекцию по физике программистам – первокурсникам первого набора на новую специальность «Программное обеспечение средств вычислительной техники и автоматизированных систем». Специальность эту отлицензировал и открыл на кафедре высшей математики её заведующий Виктор Игнатьевич Середа.

Мы с ним быстро нашли общий язык в том, что в рамках этой специальности можно и нужно открыть специализацию типа «Компьютерное моделирование» с ориентацией на использование нашей модели для курсовых и дипломных работ и с включением в учебный план соответствующих дисциплин на старших курсах, главным образом, по компьютерному моделированию околоземной среды.

Собственно, это была реализация идеи Серёжи Лебле, которую он тут ректору высказал во время своего визита сюда. У них в Гданьске аналогичная специализация называется «Компьютерная физика».

Я добился увеличения часов по физике на новой специальности и пообещал Середе подготовить рабочие программы по спецкурсам (дисциплинам специализации «Компьютерное моделирование»).

6 сентября. Ходили с Сашулей по левой трассе. Очень хорошо было с утра за ручьём слева на горках. Принесли 1.75 корзины: 60 подосиновиков, 57 подберёзовиков, 21 моховик, 8 маслят, волнушки, горькухи, сыроежки и примерно 4 литра черники. Ходили с 8.20 до 19.40.

8 сентября. Очередной безрезультатный торг с Терещенко. Он мне повторил, что заинтересован во мне как в докторе наук, то есть как в номенклатурной единице, но и только. Большинство моих условий для него приемлемо, кроме зарплаты. Выделять меня он не собирается. Зарплата до конца года всем будет повышена, но что будет в следующем году – никому не известно. О совместительстве можно говорить до конца этого года, пока темы не закрыты. Новые темы возглавлять совместителям он не позволит.

Я ему ответил, что всё понял и приму окончательное решение после отпуска в октябре.

10 сентября. Отовсюду подосиновики тащат.

13 сентября. Плюс 9—13 градусов, переменно, ветер южный, слабый. Ездили с ПГИвским народом на Марфу, всё на тот же 11-й километр за Верхне-Туломским. Подосиновиков прорва (а поехали-то за брусничкой). Набрали две корзины (8.5 и 7.8 кг) и полкороба (4 кг) грибов (140 подосиновиков), и ведро ягод (5 кг), в основном, брусника.

Сашуля корзину полную в лесу оставила, а я её нашёл. Это цирк был настоящий. Мы в одном месте остановились уже на обратном пути к автобусу, я там грибы перекладывал, а Сашуля ягоды собирал. А когда уходили оттуда, Сашуля почему-то решила, что я её корзину взял, хотя у меня обе руки были заняты. Показалось ей так почему-то.

Спохватились минут через пятнадцать, когда сблизились, и Сашуля обнаружила, что её корзины у меня нет. Чуть плохо обоим не стало. Жалко, ведь, и грибов, и трудов затраченных. А где её искать? С поклажей обратно возвращаться и не очень понятно куда.

Но интуиция меня выручила и вывела-таки на то место. Нашёл корзину!

16 сентября. Мальчишка озябший в сених магазина, скрючившись, грибы держал в руках – продать хотел.

17 сентября. На заседании редакционно-издательского совета МГТУ приняли решение об отсрочке выпуска первого номера, не гнать его к конференции «Северные университеты». Маловато статей набрали, народ не раскочался ещё после отпусков, как ни старались мы с Яровым его расшевелить (Валера уже действовал как ответственный секретарь редакции, хотя штатного расписания ещё не существовало, и денег нам за эту работу пока не платили). И хоть наша статья (авторы – я, Олег, Миша, Сашуля и Роман) на английском была сверхобъёмной (60 с лишним страниц), остальные выглядели несолидно.

Забавно, что в состав редколлегии вошёл Пивоваров и оказался как бы у меня в подчинении. Со мной он теперь здоровался каждый раз при встрече, и даже улыбался.

18 сентября. Митя в Италию отбыл на Школу (по липидной сигнализации – одному из видов передачи информации по клетке). А перед этим телеграмму прислал: «Свяжись с Ла Костой». Оказалось, клуб «Сан-Антонио» считает, судя по компьютерным данным RCI, меня неплательщиком за коммунальные услуги! Сплошное расстройство. У меня же квитанция Ллойд Банка на руках об уплате! Я же её копию в Англию отсылал. Может, надо было ещё и прямо в «Сан-Антонио» послать? Придётся самому в Москве к Шилиной все документы тащить и просить её помощи.

Отчёт Мити о поездке в Италию на Школу по липидной сигнализации (18—26 сентября 1997 г.)

Наконец-то, добравшись до Москвы, я нашёл время для того, чтобы зафиксировать все впечатления от своей итальянской поездки.

Итак, 18 сентября, в четверг, я вылетал рейсом «Аэрофлота» в Рим, откуда в пятницу шёл автобус в институт «Mario Negri Sud». Таким образом, мне предстояло провести ночь в Риме. Ещё в Москве я пытался выяснить, какова там ситуация с гостиницами. Прежде всего я проводил поиск по «Интернету», однако там есть сведения в основном о дорогих отелях, не менее трёх звезд (с ценой за одноместный номер от 50—70\$), а мне хотелось найти отель подешевле и рядом с вокзалом.

Алевтина Трофимовна Мевх сказала мне, что рядом с вокзалом огромное количество весьма дешёвых отелей, и что я легко смогу найти, где переночевать. На всякий случай я сделал себе ещё и студенческую карту, по которой мне могла быть предоставлена скидка в отеле, и взял адреса отелей, где такая скидка действительно существует. Пара таких отелей была рядом с вокзалом. Так что я летел в Рим, не особенно переживая по поводу ночёвки.

Больше же всего хлопот мне доставил мой постер. Я решил делать его примерно таким же, какой был у Маши Гончар на конгрессе по молекулярной биологии в Сан-Франциско (она летала туда в конце августа), а именно отдельные листы на цветном картоне. В целом это выглядит неплохо и вполне конкурентоспособно. Но оказалось, что в Москве очень сложно найти цветной картон, точнее, листы большого формата. Единственное, что я видел в канцелярских магазинах – наборы для школьников, однако там картон разноцветный, а мне нужен был однотонный.

И только за день до отъезда я нашёл фирму, которая торгует картоном (и бумагой) любого цвета и текстуры, и продаёт даже по одному листу. Там я и купил три листа чёрного картона (можно было бы купить любого цвета, но для этого надо было ехать на склад на другой конец Москвы, а на это времени у меня уже не было) размером 70 на 100 см. И в ночь перед вылетом я занимался кройкой этого картона и наклеиванием на него фрагментов моего постера.

В целом вышло неплохо, но над чем я не подумал, это над однообразием линейных размеров этих листов. Некоторые листы были в портретном формате, некоторые в альбомном, а в некоторых ещё отдельно от листа с рисунком была и подпись к нему. В резуль-

тате у меня было листов пять формата 25x35, пара 35x35 и один 25x50. Конечно же, это не помещалось ни в дорожную сумку, ни в рюкзак, и я вёз свой постер в отдельном пакете.

Из Москвы мы вылетели в семь часов вечера. Должны были лететь на А310, но, наверное, билетов купили немного, и нам подали Ту-154. Большинство пассажиров, в том числе и мои соседи, были итальянцы. Лететь до Рима почти четыре часа, то есть прилетали мы в 9 часов вечера по местному времени. Лететь в Ту-154, конечно, не очень удобно, а у меня ещё и постер в пакете перед носом болтается. Но в конце концов добрались, садились уже в темноте, так что ничего я практически не разглядел, к тому же и сидел не у окна.

Температура в это время была градуса 23 (а в Москве – 18, день был довольно тёплым). Я без проблем прошёл все контроли и пошёл на станцию (она соединена с основным зданием аэропорта закрытым переходом). Я успевал на последний поезд до центрального вокзала; он идёт без остановок, преодолевая расстояние 33 км за 30 минут. Билет в один конец стоит 15.000 лир – примерно пятьдесят тысяч рублей (1 лира = 3.2 рубля). Лiry (300.000) я купил ещё в Москве.

Электричка похожа на ту, в которой мы ездили в Испании, то есть такие же самолётные кресла и кондиционирование. Расписание, правда, соблюдается хуже, особенно днём (в последнюю мою поездку она опоздала с отправлением минут на пятнадцать). В общем, на вокзал (Termini station) я приехал почти в одиннадцать часов вечера.

Ещё в Москве я купил карту Рима и знал, куда надо идти в поисках отеля. Я собирался пойти в отель, где точно есть скидка для студентов. Он находился на улице, параллельной путям, второй от вокзала. Отель я нашёл быстро, но мест в нём не было. Однако, действительно, практически все здания на этой улице были отелями, большинство из них 1–2 звёздочные. Поэтому я, не задумываясь, пошёл в следующий отель, но там тоже не было мест. То же самое в третьем, и в четвёртом.

Я почувствовал, что ситуация становится неприятной. Время – половина двенадцатого; отели, судя по всему, забиты, и где ночевать – непонятно. Но делать нечего, и я продолжил свой поиск. В целом я ходил по окрестностям вокзала часа полтора, с дорожной сумкой, рюкзаком и пакетом с постером. Я обошёл больше двадцати отелей, и ни в одном из них не было места, ни за какую сумму. Я был совершенно измотан, возненавидел Рим и проклинал себя за то, что доверился информации своего шефа о лёгкой возможности найти жильё рядом с вокзалом.

Где-то в районе часа ночи я вернулся на вокзал, где, слава Богу, можно было найти свободное кресло в зале ожидания. Там было человек пятьдесят, многие были, видимо, в такой же ситуации, как и я. В общем, я провёл примерно такую же ночь, как в прошлом году в пулковском аэропорту после Испании.

В пять-пятнадцать открывались вокзальные камеры хранения, я закинул туда свою сумку и отправился гулять по Риму. Автобус в институт уходил из аэропорта в час дня, с вокзала я собирался отправиться электричкой в 11.22, так что времени у меня было почти шесть часов. В полшестого утра было ещё совсем темно, но на вокзале жизнь уже начиналась, отправлялись первые поезда. Оказалось, что в целом на вокзале ночь проводило огромное количество людей, в основном молодёжь. Не знаю, то ли они туристы, то ли бездомные, понять сложно.

Я двинул в направлении площади Республики, где должен был находиться фонтан с подсветкой. Мне, однако, не повезло – фонтан ремонтировали. Я пошёл по направлению к центру по абсолютно пустынным улицам. Правда, уже открывались газетные киоски и кафе (где-то около шести часов). Светать начало около семи. В это время я вышел на площадь Венеции к великолепному Monumento Vittorio Emanuele, на мой взгляд, самому красивому архитектурному сооружению Рима.

Выглядит это как какое-то здание, но на самом деле это памятник первому ита-лианскому королю (объединённой Италии) Виктору Иммануилу II. В принципе это дань не столько королю, сколько символ единства нации. Кроме того, мемориал включает Могилу Неизвестного Солдата – в память о воинах, погибших в Первую Мировую Войну (монумент был воздвигнут в начале двадцатых годов). Описывать его сложно, да и изображений его я привёз много. Пожалуй, из всех зданий Рима он мне понравился больше всего.

*На площади Венеции я перекусил в кафе. Заказал кофе; оказалось, что порция *café* у них означает чашечку объемом миллилитров тридцать. Лучшие заказывать капучино, там объём нормальный. Вместе с кофе я съел сандвич и рогалик, всё это обошлось в 4.500 лир. Рядом с монументом *Vittorio Emanuele* я увидел первые римские развалины – форум Тра-яна. Не сказать, что это производит огромное впечатление, поскольку не очень чувству-ется отпечаток времени. Вообще, выглядит это так, как советские фундаменты на бро-шенных стройках (я, конечно, утрирую, но, действительно, большого впечатления это не производит).*

Одна из дорог, уходящих с площади, упирается в Колизей. Издалека в утренней дымке он казался особенно величественным. По правой стороне дороги находился центр антич-ного Рима – капитолийский и палатинский холмы. Вообще центр Рима достаточно ров-ный, а исторические холмы не очень высокие. Более высокие холмы на противоположном берегу Тибра, но и там хватает ровного места (например, весь район Ватикана). Однако на исторические холмы я не пошёл, а отправился к Тибру.

Надо сказать, что в целом центр Рима не очень красив. Здания построены весьма просто, покрашены в основном в разные оттенки коричневого цвета и выглядят довольно обветшало (трудно определить их возраст). Всё это не идёт ни в какое сравнение с север-ными городами, например с Гданьском, где каждый дом по своему индивидуален (в рамках «Ганзейского стиля»). Здесь всё это грубее, тяжеловеснее и однообразнее.

Улицы Рима не очень широкие, поэтому очень популярным средством передвижения являются, как и в Испании, мотоллеры. К тому же на них и в пробках передвигаться гораздо быстрее. Правда, на основных магистралях достаточно сильная загазованность, так что некоторые мотоциклисты ездят в масках.

Автомобили же в основном самого малого класса, таких моделей в Москве прак-тически не встретишь. Подавляющее большинство, конечно же, «Фиат», есть также «Форды» и «Рено» (опять же самых малых классов). Очень много автобусов – это, навер-ное, самый распространённый тип общественного транспорта. Кроме автобусов, в Риме ходят трамваи, а также есть две ветки метро. Я, правда, так и не воспользовался ничем, поскольку исторический центр на самом деле весьма компактен.

*Впрочем, я немного отвлёкся. К Тибру я вышел, когда солнце совсем взошло. Тибр тоже не производит впечатления. Река не очень широкая, мутноватая, течение достаточно быстрое. Зато очень красиво с реки смотрится купол Собора Святого Петра за холмом. Я прошёл немного по набережной Тибра, перешёл его по другому мосту и вышел к огромному полю (метров триста длиной и сто шириной), во времена древнего Рима бывшего стадио-ном (*Circus Maximus*). Я прошёл вдоль этого поля, по левую сторону от меня был палатин-ский холм; вход туда был ещё закрыт (я проходил там около восьми часов утра). Обходя его, я в конце концов вышел к Колизею. Действительно, это величественное сооружение.*

Далее я пересёк эсквилинский холм и вышел к местному рынку. Он весьма похож на наши барахолки, где-то есть просто развалы всякого тряпья, где-то продают нор-мальные вещи. Особо выгодно там покупать большие чемоданы (раза в три дешевле, чем в Москве) и, конечно же, всякие футбольные вещи (особенно клубные футболки – тысяча сорок рублей). Впрочем, футбол у меня пока хватает. Меня поразила огромная разница

между ценами на фрукты – на рынке они в целом в четыре раза дешевле, чем в центре (персики, виноград – тысяч 6–8 рублей).

От рынка я прошел к вокзалу. Поскольку я гулял рано утром, народу на улицах практически не было, и только у вокзала уже было большое столпотворение. Было только девять часов, и я отправился в другую сторону (весь центр находится к западу от вокзала, а я пошёл на восток) – в район университетского городка и центральной больницы. Там я побродил ещё час, затем вернулся, поел в вокзальном Макдональдсе и поехал в аэропорт.

За час до назначенного времени отбытия автобуса я был в зале прилёта и стал искать человека с соответствующим знаком (как было указано в приглашении). Однако среди множества встречающих представителей FEBS не было. За двадцать минут до времени отправления я начал беспокоиться. Может быть, я нахожусь не в том месте сбора?

Я решил позвонить в институт, и уточнить детали отправки автобуса в институт. За десять минут до времени отправки ещё никого не было, и я купил-таки телефонную карту за 10.000 лир. Пока я искал свободный автомат, наконец-то объявилась девушка с FEBSовским плакатиком (фактически в назначенное время отправки). Она показала, где находится автобус, и я отправился на посадку.

Везли нас на здоровенной двухэтажной «Сетре». Я залез на второй этаж. Там на передних сиденьях уже сидело трое человек. Оказалось, все они из разных мест – парень из Голландии, девушка из Швеции, и англичанин чуть постарше. Потом выяснилось, что этот англичанин – Фил Хокинс – один из лекторов и, наверное, один из самых ярких учёных из числа присутствовавших на школе (а там собрались наиболее выдающиеся специалисты в своих областях).

Потом к нам присоединился ещё один человек лет шестидесяти с внешностью наших бомжей – длинная густая борода и такие же длинные волосы, заплетённые в «конский хвост», одет в футболку и сандалии на босу ногу. Оказалось, это Боб Мишель из Бирмингема – он должен был в этот день открывать Школу своей лекцией. У них с Филом тут же завязалась оживлённая научная дискуссия на тему кто что публикует (у Боба, например, как раз в эти дни выходит статья в Nature) – они, наверное, хорошо знакомы.

Голландец и шведка, как и я, были студентами (он аспирант второго года, она первого). Харальд Мейер (так звали парня) провёл ночь в аэропорту, а Сара Ниландер всё-таки нашла отель в Риме. Далее разговор шёл на общие темы. Надо сказать, что у моих попутчиков уровень английского получше, говорят они свободно и с несильным акцентом. Сара, правда, целый год провела в Манчестере, а в Голландии все очень хорошо говорят по-английски (да и Харальд поездил по Европе, в том числе и по Англии).

В два часа мы наконец-то отправились. Нам предстояло ехать на другое побережье, пересекая весь Аппенинский полуостров. Место (Санта-Мария-Имбаро) расположено на одной широте с Римом, недалеко от Пескары, в регионе Абруццо. Ехали мы часа четыре. На всем пути пейзажи один краше другого. Во многом они напоминают Сьерру-Неваду в районе Малаги, такие же высокие горы.

Но есть и отличия. Многие города построены прямо на вершинах гор, видимо, они формировались вокруг феодальных замков. Вместо оливковых рощ доминируют виноградники (хотя есть и оливки, и томаты). Пахотные земли используются по максимуму. Поселения выглядят немного по другому, дома не белые, а желтоватые, форма их тоже немного другая. Поселений много, но они не очень большие.

Очень интересно выглядят гидроэлектростанции на крутейших склонах, работающие, наверное, зимой и весной. Есть также несколько полей с ветряками. Сама дорога великолепная, идет на одном уровне фактически по прямой, со множеством туннелей и мостов. Пара туннелей достигает в длину пяти километров, прорезая целые горные массивы. Поскольку дорога прямая, ехать можно со скоростью около 100 км/ч, кроме двух участ-

ков, где одна сторона дороги была перекрыта из-за ремонтных работ. Ближе к адриатическому побережью местность становится ровнее, появляется много широких долин.

Место, где находится институт, находится в стороне от городов. Институт стоит фактически в чистом поле, вокруг всё засажено разными сельскохозяйственными культурами. Мы жили в гостинице минутах в двадцати ходьбы от института (нас, впрочем, возил автобус), находящейся в деревне Санта-Мария-Имбаро. Ближайший город – Ланчано (тысяч 40 жителей, находится километрах в четырёх). Столица провинции Кьети – километрах в тридцати. До моря от института километров шесть.

Нас сразу повезли в гостиницу «Сангро» – пятиэтажное здание довольно простого вида, выделяющееся, однако, своими размерами среди других деревенских зданий. Моим соседом по номеру оказался как раз Харальд Мейер. Наш номер был на четвёртом этаже. Номер большой (в принципе трёхместный) с отдельной душевой, туалетом. Есть телевизор – 14-дюймовый цветной «Филипс». У него функционирует около 15 итальянских каналов, по одному-двум всё время показывают футбол.

Я даже посмотрел в воскресенье матч «Интер» – «Фиорентина», где флорентийцам, конечно, не повезло: при счёте 2:1 в их пользу Батистута и Оливейра дважды попадали в перекладину, а после «Интер» забил два гола (второй был весьма курьёзен: полузащитник «Интера» сильно отпасовывал мяч назад, попал в ногу Батистуты, от которой мяч срикошетил на ход Джоркаеффу, находившемуся в глубоком оффсайте. Тот спокойно вышел один на один с Тольдо и забил решающий гол) и выиграл 3:2. А в матче «Ювентуса» с «Брешией» (?) потрясающий гол забил Конте – удар «ножницами» через себя по быстро летевшему мячу в самую девятку!

В гостиницу мы приехали часов в пять, приняли душ, и в шесть часов автобус повёз всех в институт. После лекции Боба Мишеля был организован фуршет на открытом воздухе около институтской столовой. Еда типично итальянская – в основном всевозможные варианты пасты, овощи (как свежие, так и тушёные), весьма своеобразный сыр (fromage по-французски) – нечто вроде недозревшей (и несолёной) сулгуни. Разумеется, вина – красные и белые, весьма мягкие. Много всякой выпечки; из фруктов – виноград, сливы и дыня.

Вечер я провёл в уже сформировавшейся компании с Харальдом и Сарой. В тот день мы легли спать сразу по приезду в отель – сказалась усталость двух предыдущих дней (а я ещё и в автобусе не спал). Режим в течение всей школы был весьма суровый – лекции начинались в 8:30, и заканчивались в 19:30 (с двумя кофейными перерывами по 30 минут и часовым обеденным перерывом).

Два часа уделялось постерной сессии (час собственно постерам и час устным выступлениям студентов (их, правда, было весьма ограниченное число, и я, например, не выступал)), в последние два дня постерные сессии были заменены круглыми столами. Вставать поэтому приходилось в семь утра, завтрак был в отеле (такой же, как в Испании), а в восемь в институт шёл автобус (иногда, впрочем, ходили пешком, хотя как и в Испании, дорога не очень предназначена для пешеходов).

Утром в субботу (второй день школы) мы повесили постеры. Поскольку я таскал постер в пакете вместе с собой по Риму, один лист (который отличался по формату от остальных) слегка помялся. В остальном же визуальное впечатление от постера выглядело неплохо. В принципе такое же решение (отдельные листы на цветном картоне) избрало и большинство других участников школы, так что он не особенно отличался от других. Однако содержание...

Во-первых, моя тематика немного отличалась от тематики всей школы, по крайней мере никто кроме меня не занимается синтезом простагландинов и простагландин-Н-синтазой, хотя по арахидоновой кислоте (первой части моего постера) несколько работ

было. Основная же проблема была в уровне самой работы. Конечно же, когда ты ограничен в средствах (финансовых, приборных), очень сложно делать что-либо на высоком уровне.

На школе было много работ совершенно незатейливых по своему смыслу, безыдейных, проще говоря. Однако методически они выполнены безупречно, а именно это определяет сейчас уровень работы и то, возможна ли её публикация. На самом деле большинство работ по тематике школы (липидные сигналы), в том числе и то, что подавалось на лекциях, сводилось к изучению какого-нибудь сигнального пути в одной клеточной системе (типа что связано с чем), нахождению какой-нибудь сигнальной молекулы (даже неизвестно, сигнальная ли она вообще, просто она образуется в каком-либо случае клеточной активации).

Часто общего смысла в этом немного, ситуации только ещё больше запутывается, но выхода из этого никто не находит, а поскольку экспериментальный уровень работ высокий, они достаточно легко публикуются в хороших журналах. С другой стороны, все ставят перед собой весьма чёткие задачи, получают под это гранты и успешно эти задачи решают.

У нас же получается замкнутый круг. Денег нет, значит серьёзных результатов ты получить не можешь, то есть нет задела для получения хорошего гранта. Фактически можно сказать, что в таких условиях мы обречены на вымирание. Поэтому одной из целей поездки для меня было выяснение возможности устроиться уже сейчас на аналогичную позицию на Западе, не важно даже где. И во всех разговорах с лекторами я об этом своём намерении говорил.

Однако, ситуация здесь непростая. Все, конечно, понимают, что положение с наукой в России тяжёлое, сочувствуют, но смысла брать людей из России просто исходя из того, что у них хорошее базовое образование для них не очень много. Я ещё вернусь к этой теме. А пока продолжу описание событий Школы.

Итак, Школа вошла в свой рабочий ритм. Сложно описать её тематику. В целом она была посвящена новым классам липидных сигнальных молекул (их сигнальная роль открыта в последние пять лет). В принципе сейчас любому липидному компоненту клеточной мембраны приписывают какую-то сигнальную роль, так что ситуация сейчас выглядит очень запутанной. Я не буду вдаваться в подробности, потому что это заняло бы у меня объём больший объёма всего моего рассказа.

Для меня всё это очень интересно, но и то со слуха много чего воспринимается с трудом. Тут свою роль играет не очень хороший уровень восприятия английского (а большинство лекторов говорит очень свободно), да и устаёшь к вечеру от лекций. Много поэтому я просто пропускал мимо ушей, поскольку впоследствии всё это я собираюсь прочитать в обзорах.

Лекторов было 18 человек, студентов – человек 30, из них 15 иностранцев. По прибытии в отель нам раздали программу Школы со списком участников. Там я обнаружил, что есть один участник с Украины Виталий Бабенко. Однако до середины второго дня я его не видел. После обеда он все-таки объявился; оказалось, что рейс из Киева только два раза в неделю, и Виталий не успевал на институтский автобус.

Виталию 31 год, он уже кандидат биологических наук, работает в Киеве, изучает липоксигеназу – другой фермент окисления арахидоновой кислоты. С ним должна была прилететь его жена – тоже научный сотрудник, но другого института, но, к сожалению, как раз перед поездкой она заболела. Виталий уже поехал по таким международным сборищам, для него это четвёртый выезд.

Также я ещё до поездки знал, что в институте работает ещё один русский – Александр Миронов из Ивановского Медицинского Института, но пока он мне на глаза не попался. Вечером в субботу (второй день Школы) мы ужинали уже в гостинице. Там уже ресторанное обслуживание, но блюда в принципе похожи, центральную роль опять играют

разные формы пасты. За ужином общение очень неформальное, студенты и преподаватели сидят вперемешку. Мы с Виталием разговорились, например, с Робертом Зваалем из Маастрихтского университета – оказалось, что он бывал в СССР – в Ташкенте, и что узбеки запомнились ему прежде всего своим гостеприимством. Хотя конечно, реальной жизни в Узбекистане он не видел.

После ужина Харальд, познакомившийся за столом с институтскими студентами, предложил поехать в паб в Ланчиано. Собралось туда человек 10, мы разместились в трёх машинах и отправились в город. Ланчиано – город очень древний, упоминавшийся ещё в античных хрониках, хотя основные архитектурные сооружения относятся к 12–14 векам.

Главная достопримечательность города – Eucharistie Miracle (боюсь неточно перевести). В VIII веке один местный монах усомнился в существовании Христа, и во время причастия хлеб и вино превратились в плоть и кровь. С тех пор эти плоть и кровь хранятся в одной из местных церквей. Химический анализ, проведённый в 1981 году, показал, что это действительно человеческая кровь и фрагмент человеческого сердца.

К сожалению, мне так и не удалось рассмотреть Ланчиано при дневном свете. Паб, в который мы направлялись, назывался «Капитан Блад». Поскольку была суббота, народу было много, но стол мы всё-таки нашли. Пили все пиво, там его сортов 5 на разлив и сортов пять – бутылочного. За столом болтали о всякой всячине. Кстати, в нашей компании был и Фил Хокинс – тоже оказался любителем пабов.

Харальд вообще оказался очень компанейским парнем, легко находил тему для разговора. Работает он над не очень распространённым объектом – зелёными водорослями – изучает там липидный метаболизм. Сам он родом из небольшого городка недалеко от Утрехта, но учится в Амстердаме. Фанат «Аякса», в свободное время играет на чём-то вроде валторны, а также вроде бы ди-джеюствует у себя в родном городке. Он уже поездил по Европе туристом (на своём автомобиле), а на международной конференции (вне пределов Голландии) тоже впервые. Лекции Харальд тщательно конспектировал – видимо с восприятием у него проблем не было.

Хотя он признавался, что большинство материала для него совсем ново, всё-таки в водорослях всё совсем не так как в животных клетках, с которыми работает большинство участников школы. В общем, очень интересный парень. Виталий Бабенко говорил, что в нём много от бой-скаута, может быть, это и так. По крайней мере энтузиазма в нём много.

На следующий день мы с Виталием познакомились с Александром Мироновым. Ему уже сорок восемь, хотя выглядит он лет на 10 помоложе. В Италии он работает уже три года, до этого, действительно, работал в Иванове, занимался электронной микроскопией. У нас ему приходилось, заниматься бизнесом, чтобы поддерживать свою лабораторию в рабочем состоянии. В конце концов он уехал, и здесь является главой отдела морфологии (всё те же микроскопы).

Он уже перетащил в институт четырёх человек из своей лаборатории (а ещё пять работают по всему миру), в том числе сына и дочь (сыну 26, а дочери 21). Здесь он считается крайне правым, и, действительно, он крайне отрицательно относится к различным социалистическим проявлениям на западе. Среди российских политиков выше всего ценит Чубайса.

Здесь ему нравится, по крайней мере, он может заниматься только наукой, не отвлекаясь ни на что другое. Хотя институт Consortio Мало Negri Sud сейчас находится в сложном финансовом положении, у него огромные долги (а это частный институт, точнее филиал; головной институт находится в Милане, а здешний филиал управляется совместно с администрацией провинции Къети и был задуман для развития отсталого юга Ита-

лии (его открыли в 1986 году)). Из-за этого возникают некоторые проблемы с покупкой реактивов, однако зарплату платят всем, и в целом институт функционирует нормально, и работа тут ведётся на мировом уровне.

Зарплату, впрочем, платят небольшую, сам Миронов получает где-то 1.200 долларов в месяц, а аспиранты получают раза в два меньше. Квартиру он арендует у института (дом стоит практически напротив институтского здания), стоит это около 100 долларов в месяц. Повседневные расходы также составляют около 100 долларов, то есть Миронов ухитрялся откладывать чуть меньше тысячи долларов, впрочем, живёт он примерно в таких же условиях, как и я в Москве. Здесь очень сложно обходиться без машины, потому что магазины и бытовые услуги находятся достаточно далеко. Миронов купил машину (подержанную) сразу по приезду, а его сотрудник Рома Полищук купил новую в кредит, на выплату которого уходит большая часть его зарплаты. Тем не менее Миронов очень доволен, что уехал из России.

Пока мы втрём (я, Миронов и Бабенко) обсуждали российскую жизнь у Миронова в лаборатории, участников Школы собрали для группового фото. В результате мы так и не попали на эту фотографию. Миронов показал нам часть института, в том числе и местную библиотеку. В библиотеку, конечно, всё поступает незамедлительно, на полках стояли журналы, датируемые 15 сентября. Поскольку копировать можно было свободно, я всю пользовался этой возможностью и за время курса накерсил страниц всяких статей и, в основном, обзоров, страниц на 60.

На четвёртый день курса был запланирован единственный перерыв (на полдня) – поездка в город Васто, расположенный на берегу моря километрах в тридцати южнее института. Сначала всех привезли на пляж. Пляж песчаный, вода в море градуса 23 (примерно такой же была и температура воздуха), однако я купаться не стал – уж больно мелко было в районе пляжа – ещё хуже, чем у нас на Балтийском море. Особые любители, впрочем, забрели подальше и немного поплавали.

Потом же мы поднялись на гору в исторический центр города Васто (он примерно одного размера с Ланчиано). Интересных зданий в Васто, впрочем, немного, хотя это тоже древний город (есть здания 11–12 веков). Зато из некоторых точек открывается великолепный вид на побережье (исторический центр находится метрах в 200 над уровнем моря).

Вечером в честь участников Школы был дан обед в одном из ресторанов, нас приветствовал мэр Васто, а потом был ужин, мало, впрочем отличавшийся от ужина в отеле. Можно было, правда, купить местные продукты, и я купил бутылку местного оливкового масла.

После ужина в местном театре (очень миниатюрном, но настоящем классическом театре) перед нами выступал местный хор с неаполитанскими и абруццианскими песнями. Несколько вещей было очень неплохими, хотя хор, конечно – сборная солянка. Лучшие всех, однако, смотрелись конферансье с переводчицей, веселившие аудиторию своими шутками.

А в автобусе студенты-итальянцы продолжили концерт, и у них это получалось не хуже, по крайней мере, энергии у них было не меньше. Вечер, короче, получился прекрасным.

Пятый день (вторник) запомнился прежде всего испортившейся погодой – целый день лил дождь, что здесь является большой редкостью для этого времени. Слава богу, это был единственный дождливый день за всё время моего пребывания в Италии. В этот день после обеда были устроены специализированные круглые столы по более узким тематикам.

Я посетил круглый стол по фосфолипиде А2 – наиболее близкой для меня теме. Там я вдоволь наговорился по интересующим меня вопросам с самым крупным здесь специалистом по этой тематике – Кристиной Лесли из Денвера. Потом мы уже перед ужином продол-

жили этот разговор. Жаль, конечно, что Лесли работает на фирме, а не в университете, иначе можно было бы подумать о аспирантуре у неё в лаборатории.

За ужином мы (трое советских) беседовали с Харри Ван Меером – профессором из Амстердама – типичным голландцем из крестьянской семьи (он, действительно, ведёт себя весьма просто). А вечером после ужина опять собрались и поехали в город, где я впервые поиграл в боулинг (что-то вроде кегельбана).

Всего играло нас человек 15 на трёх дорожках. Шар у меня шёл абсолютно непредсказуемо, однако два раза мне случайно удалось сделать страйк – то есть с первого броска (а каждая серия состоит из двух бросков) я сбивал по десять кеглей. Только благодаря этому я не был последним, однако тут без тренировки тоже ничего не получится. А вот одна местная девушка сумела сделать четыре страйка подряд – и естественно стала победителем. После боулинга мы опять посидели в «Капитане Бладе» – другие бары были в этот день закрыты.

Шестой день был уже прощальным. В этот день я был на круглом столе по карьерам в науке. Основная проблема молодых учёных на Западе возникает не после окончания аспирантуры – достаточно просто устроиться на постдока – а вот после двух постдоков наступает критический момент – нужно достичь такого статуса, чтобы самому писать гранты. Далеко не каждому удается это сделать.

Ещё одна особенность – нужно привыкать к кочевой жизни. Очень распространена ситуация, когда человек (даже из очень развитой страны) значительную часть времени работает за границей. Хотя большинство местных хочет работать в Италии. Да и Харальд, например, не хочет покидать Голландию. Однако всё-таки заметно, что между всей Европой и Штатами существует большая разница в уровне развития науки – в Штатах финансовые возможности гораздо выше (зарплата Миронова в Италии фактически равна аспирантской стипендии в Штатах). Поэтому на самом деле возможности для развития карьеры в Штатах повыше (и многие туда и ездят).

Но даже с учётом всех финансовых проблем в Европе там можно нормально работать, если ты достаточно трудолюбив. У нас же при всем усердии ты не можешь достичь нормального уровня. Школа окончательно убедила меня в том, что дальнейшее продолжение моей работы у нас в лаборатории практически не имеет смысла. Очень мала вероятность, что у нас будут публикации в солидных журналах – мы просто не обладаем соответствующими техническими возможностями, а именно на них, хоть это и не справедливо, в первую очередь смотрит рецензент.

Без хороших публикаций даже с кандидатской степенью очень мала вероятность получить хорошее место на постдоке. К тому же на постдоке ещё очень важно владение конкретными методиками, а у нас вряд появится что-то новое. Поэтому вряд ли нужно пытаться завершить аспирантуру в Москве. Вопрос стоит больше в том, куда пытаться в таком случае устроиться.

Дело в том, что мне фактически предложили аспирантуру в институте, в лаборатории Даниелы Корды – непосредственного организатора Школы. Видимо, здесь не обошлось без влияния Миронова, во всяком случае, он меня интервьюировал. Занимаются они немножко другими вещами – глицерофосфоинозидами (тоже липидные молекулы), но в данном случае это даже и не так важно, а важно, что я смогу работать над более высоким уровнем и получить PhD. Д примерно через три года (если всё будет хорошо, но тут уже всё зависит от меня).

Здесь есть возможность сделать пару очень неплохих публикаций. С другой стороны, здесь не очень много платят и надо учить итальянский язык. Но опять же с другой стороны климат здесь хороший, море рядом, футбол здесь очень любят. Впрочем, меня туда не отдыхать зовут, а серьёзно работать.

Другой вариант – поступать в аспирантуру в Штаты. Что больше всего смущает – это потеря времени. Я смогу поступить не раньше весны 1999 года (и это не во все университеты), а когда получишь PhD. D – вообще сложно сказать. С другой стороны, можно найти хороший университет, да и стипендия там значительно выше. Впрочем, здесь я вообще ничего не получаю, так что сравнивать нечего. Самое серьёзное, конечно, потеря времени. Однако, если думать не о времени, а о качестве, то штатовский вариант не так уж и плох. В общем, тут надо очень серьёзно подумать, потому что решение определяет мою будущую жизнь.

Однако это всё-таки предмет другого разговора. Вернусь к описанию последнего дня Школы. Прощальный вечер организаторы устроили в городке Фоссачиеза (тоже рядом). Этот ужин отличался от остальных – он был на основе морской пищи. Вначале в морских раковинах подавали салат из кальмаров, креветок и улиток, затем – суп (очень напоминавший суп из консервов «Кильки в томате» с макаронами), потом – спагетти с рачками (в принципе раки, но очень маленькие, есть их практически нельзя – все сплошной хитин), а затем – какая-то рыба наподобие пескаря с гарниром из грибов и оливок. Кроме этого, конечно же десерт, обилие белого вина.

Виталий же ещё принес на ужин бутылку горилки с перцем и угощал ею всех за нашим столом (а тут был и Фил Хокинс, и Кристина Лесли, и ещё одна колоритная фигура – Витаю Банкаитис – американец литовского происхождения (точнее он чистокровный литовец, но его родители эмигрировали в Америку перед войной). Все они, конечно, не любители водки – но горилку попробовали (а здесь нас угощали граппой – виноградной водкой (она действительно отдаёт виноградом)). Заключительный ужин был тоже очень весёлый – итальянцы опять пели, в общем все были довольны, и расставаться очень не хотелось.

Однако всему приходит свой конец, и на следующее утро в 6 часов автобус увозил на в аэропорт Рима. Некоторые в эту ночь так и не ложились, я же, однако, немного поспал. Часть участников собиралась прокатиться по Италии, так что не очень много людей ехало на автобусе в Рим. Виталий Бабенко, как и я, улетал только в пятницу (но вечером), поэтому мы решили провести день в Риме вместе.

В этот раз нам больше повезло с гостиницей – мы нашли место со второй попытки. Место конечно не ахти какое – двухместный номер с удобствами в коридоре в доме на углу достаточно оживлённых улиц (это особенно чувствовалось ночью). Однако не очень дорого (по римским меркам) – 25\$ с носа. И по крайней мере это не вокзал.

Где-то в двенадцатом часу мы пообедали в вокзальном Макдональдсе и пошли на прогулку по Риму. На этот раз мы отправились на другой берег Тибра к Ватикану. Конечно же, собор святого Петра – грандиозное сооружение. Это чувствуется и снаружи на огромной площади, окруженной колоннадой, и особенно внутри собора.

В отличие от Севильи, здесь центр собора пустой и центральный неф получается просто огромным. Собор святого Петра светлее Севильского собора, и это тоже отличает его в выгодную сторону. Изнутри мы увидели ходящих по периметру купола людей. То есть, на купол можно было подняться. Для меня восхождение на какую-нибудь смотровую площадку уже становится традицией, поэтому и здесь я не мог упустить такой возможности.

Подъём на купол стоит весьма дорого – 6.000 лир, зато значительная часть подъёма – лифтом, но и после этого предстоит весьма сложное восхождение, в том числе и по очень узким винтовым лестницам. Зато в результате оказываешься почти на самой макушке собора на высоте метров 80. Вид оттуда великолепный, прямо под ногами как на ладони Ватикан (туда, впрочем, простых людей не пускают; музеи Ватикана находятся снаружи).

В Ватикане мы, конечно же, сфотографировали местную гвардию и полицию в соответствующем одеянии. Мы не стали заходить собственно в музеи, потому, что это тре-

бует отдельного экскурсионного дня. Во всяком случае, я купил достаточно неплохие альбомы, и имею представление, что где находится.

От Ватикана мы отправились на север города к Олимпийскому Комплексу. Кроме стадиона, нас интересовала возможность найти какой-нибудь дешёвый супермаркет, потому что весь центр – сплошные бутики с супермодной и сверхдорогой одеждой. Меня конкретно интересовала обувь для футбола и простые кроссовки. Однако ничего подобного мы на всем пути к стадиону и обратно не нашли.

Возвращались мы через пешеходный район у площади Испании, где бродили огромные толпы людей, в которых итальянцы составляли меньшинство. Так было практически во всём центре, но особенно на знаменитой лестнице на площади Испании и у очень красивого фонтана Треви.

К отелю мы возвратились часов в восемь вечера. Из сувениров я купил два альбома («Весь Рим» на русском языке и «Rome and the Vatican from the air»), настенный календарь и несколько открыток, а также две бутылки вина (Кьянти и белое вино из Абруцци – региона, где была Школа) и пару коробок местных сладостей. Хотел я, конечно, купить и хорошую обувь, но не нашёл нужного соотношения цены и качества. В принципе, можно поискать соответствующую обувь за те же деньги и в Москве.

Пужинали мы в пиццерии рядом с вокзалом (Ирина готовит пиццу лучше), и отправились в последнюю (для меня) прогулку по вечернему Риму. Сходили ещё раз к Monumento Vittorio Emanuele, по дороге я попил пива «Гиннесс» в соответствующем пабе. Вернулись мы часов в одиннадцать. Самое удивительное, что случилось во время наших прогулок по Риму, это то, что мы дважды (!) встретили Витаса Банкайтиса – один раз утром и один раз вечером. Причём эти встречи были в абсолютно разных местах! «В общем, наверное, Рим совсем маленький город, если в нём на каждом шагу попадаются знакомые лица» – шутили мы.

На следующее утро я на восьмичасовой электричке уехал в аэропорт (там в дьюти-фри магазине я тоже увидел знакомую физиономию – Леонида Парфёнова (сейчас, по моему, он программный директор НТВ)), а в двенадцать часов на А-310 улетел в Москву. И все были просто шокированы, когда услышали, что температура в аэропорту +2 градуса! Это после 23 в Риме (а когда мы ходили по городу, вообще была жара градусов в 27). В Москве все ходят практически в зимней одежде, с утра, говорят, валил снег! Да, в неуютном месте мы живём!

634. Сентябрь – октябрь. Описание поездки на Канары

21 – 30 сентября 1997 г. Из Мурманска я поехал в Калининград поездом через Питер, где поболтался часика три по Невскому, заглядывая в магазины в поисках джинсов и кроссовок, да справочных пособий по Тенерифе, но не нашёл ничего. Дальше поехал. В поездах испанским занимался усердно. И до Питера, и до Калининграда в неполном купе ехал.

В Калининград прибыл **23-го сентября**, в первой половине дня. Все оказались дома, кроме Алексея – Ваня, Ирина, Михаил только что из школы пришёл. Серёжа Лебле позвонил, он тут, в Калининграде; договорились, что он придёт вечером к Тамаре Сергеевне. Мы с Ириной сразу почти отправились на кладбище. Памятник общий моим родителям сделали нормально, зря Сашуля так волновалась. Вот только туи подрезать надо, чтобы проход свободней был, да скамейку заменить. Добавили цветы в вазочки на обоих могилках.

С кладбища поехали к Тамаре Сергеевне, где поминали деда кроме нас с Ириной и Тamarой Сергеевной ещё Гриша (он в отпуск приехал к матери), Серёжа Лебле и подруга огородная Тамары Сергеевны, Ваня с детьми дома остался.

Ночевал Серёжа у нас, мы с ним красненького перед сном добавили, так что утром Сергей Борисыч чувствовал себя неважно, а я ничего. Утром же Гриша позвонил, сообщил, что сейчас альбомы притащит наши семейные, которые Тамара Сергеевна вдруг вернуть нам надумала (с Иринкиной, похоже, подсказки). Притащил, когда мы с Серёжей кофе пили. Опохмелиться запросил сразу, мать ему всего четыре тысячи на пиво дала, так этим разве опохмелишься?

Я ему дал двадцать тысяч на бутылку водки, он пошёл в магазин. В это время Виктор Иванович Карпов, Ванин отец, зашёл повидаться. Я пока с ним и Серёжей в большой комнате беседовал, Гриша бутылку приволок и на кухне опохмеляться начал.

Я Виктор Ивановича спросил: – Рюмочку не хотите?

Он живо ответил:

– Можно и две!

Я перетащил бутылку из кухни в комнату, пригласил туда Гришу, и мы стали выпивать втроём. Серёжа отказался присоединиться – дела, мол, и здоровье не позволяет, и покинул нас. По ходу выпивки Виктор Иванович в очередной раз уведомил меня, что Ельцин – еврей, русских в правительстве вообще нет, академик Лихачёв Россию ненавидит, а он его за это.

Я отмалчивался, стараясь пить поменьше, а разговор тем временем перешёл на тему жизни в Крыму и в Калининграде. Гриша только что из Севастополя и сокрушался, как там пенсионеры могут жить – копейки получают, а всё дорого, не то, что в Калининграде, на что Виктор Иванович потрясённо отвечал:

– Да лучше места чем Крым, а особенно Керчь, вообще нигде нет! В Калининграде-то что хорошего?!

Так они и препирались. Один – год как из Керчи вернулся, второй – только что из Севастополя. Слава Богу, водка быстро кончилась, Виктор Иванович заторопился, а когда он ушёл, Гриша стал просить у меня денег, тысяч сто пятьдесят.

– Приеду в Мурманск, Саше сразу отдам, а то доллары неохота менять, мать же денег не даёт.

Я ему твёрдо ответил, что денег не дам, Сашу он в Мурманске не застанет, она со мной в отпуск отправляется. Гриша не обиделся (он изрядно захорошел уже) и начал на мать жаловаться: невозможно с ней жить – то не так, это не сяд, не туда сел, не то съел, зачем телевизор включил, с ума сойти можно. Если бы билет не был взят на третье число, он уже бы давно домой смылся. Я ему посочувствовал и дал в утешение пятьдесят тысяч, с чем он и ушёл, довольный.

Я прогулялся по Калининграду. Некий прогресс явно наметился в облике города: эстакадный мост ремонтируют, рядом понтонный положили от Дворца спорта «Юность» к Портовой улице, Дом Советов многострадальный приличным забором огородили, якобы его толкнули кому-то, наконец; в домах, где магазины или фирмы какие-нибудь, фасады перелицовывают, «Остров сокровищ» сварганили. Но и разрухи ещё полно: заброшенные стройки, жуткие обшарпанные жилые многоэтажки; набережные Преголи, заросшие бурьяном; замерший в раскоряку второй эстакадный мост. Цены в магазинах пониже, чем в Москве, Питере и Мурманске, особенно на продукты питания, а про пиво уж и не говорю – его тут море разлитое всех стран и сортов, и цены просто смешные: 2500 – 3000 рублей за бутылку при минимум 3800 в Мурманске.

На следующий день (**25 сентября**) Ваня договорился о семинаре в кирхе по случаю моего приезда. Пять часов семинарили с небольшим перерывом (с 10 утра до 3-х дня). Я рассказал о наших достижениях за прошедший год, а Кореньков, Федя, Иван и Коля Нацвалян – о калининградских результатах. Кроме перечисленных были ещё Володя Клименко и Татьяна Глуценко. Смертин и Суроткин теперь только совместители, в КТИ преподают, не смогли присутствовать. Или не захотели. Не знаю.

Семинар прошёл достаточно активно, но без страсти, споров и дискуссий, с некоторой настороженностью, что ли, с нежеланием как бы обидеть кого-либо. Без нападков, короче. Хотя у меня и были, разумеется, возражения по поводу хотя бы всё той же грубой широтной сетки, которую продолжали использовать ребята. Не было настроя их критиковать. Возможно, и у них похожее настроение было. Наилучшее впечатление на меня Коля Нацвалян произвёл своими результатами и выступлением.

В разгар семинара в кирхе объявился Саня Шевчук, удивительно сохранившийся со всеми своими манерами. Всё так же рыбачит в Ульяновке, ездит на своём ИЖе (без коляски почему-то), ведёт счёт лещам, судакам и щукам. Безработничал, сейчас устроился установщиком-настройщиком стиральных машин (физик, компьютерщик как бы!).

А мой мотоцикл где-то в Ульяновке гниёт, в гараже обсерваторском. В свой же гараж железненький-зелёненький у кирхи я даже не заглядывал – вот до чего дожил!

В пятницу (**26 сентября**) я закупал себе джинсы и кроссовки на барахоловке, а вечером стеллаж собирали книжный новый, который Иван с Ириной купили в большую комнату, на место 35-летней «Ригонды» его поставили.

В субботу я общался с Сергеем Кшевецким по его просьбе по поводу его научной деятельности, он домой ко мне приходил. А вечером был в гостях у Шагимуратовых. Юра только что из Кракова вернулся, с конференции по использованию навигационных спутников, Лену туда с собой возил. Стандартно водочку попили.

В воскресенье с утра отправились с Ириной на барахоловку, купили ей перчатки, Ване лезвия и крем для бритья, Алексею вертолёт классный, Михаилу свитерок, Коренькову рубашку в подарок ко дню рождения (я ему ещё до этого прикупил альбом для фото и дюжину своих фотографий, сделанных в Штатах и в Испании, с подписями туда вставил), а искали Алексею ботиночки на осень. Платил за всё я, а Ирина держала свой кошелек в руке, прижав его к груди. Наконец, у неё рука устала всё время в таком положении находиться, и она переложила кошелек в карман. Там он пробыл не дольше пяти минут – свистнули. Уж больно карман для этого удобным оказался.

Главное, мы увидели, как тётка какая-то подобрала с земли чей-то кошелек и стала его изучать, а через несколько шагов увидели девушку, озиравшуюся в поисках своего кошелька и говорившую своей подруге:

– Слава Богу, денег там всего три тысячи было, да кошелек жалко.

Я ей сказал: – Это Вы кошелек потеряли? Вон там у третьей отсюда палатки его женщина подобрала.

Девушка ринулась туда, и в этот момент Ирина пропищала:

– А мой кошелек где?

Нету. А там 200 000 рублей было.

Но Ирина – молодец, недолго переживала. Бутылку вина велела мне купить – выпить с горя, да я ей в утешение дал эти 200 000.

Вообще, Ирина на меня в этот раз очень хорошее впечатление произвела. Ни разу голос ни на кого не повысила, ласковая была, и внешность у неё очень симпатичная, стрижка удачная, а всё, думаю, от того, что деньги стала зарабатывать, клиентура разрастается. Не все, правда, платят, кто конфетами отделяется (целый склад коробок дома образовался), кто вообще на халяву норовит на приём попасть. Ирина работает в областной больнице и принимает только больных детей из области, но к ней рвутся и городские, репутация уже есть, по телефону часто домой звонят, Ирину Александровну спрашивают.

А Михаил с Алексеем всё такие же неугомонные: один пищит, а другой его дразнит. Михаил – здоровый парень, из школы пришёл – с Алёшиным новым вертолётком как малый игрался, а когда Алексей из садика вернулся и, естественно, затребовал свой вертолёт себе, Михаил ему не давал, тот в писк, и так каждый день.

А учится Михаил неплохо, два языка изучает, кроме английского – немецкий. Футбол бросил из-за конфликта с ребятами старшего возраста, ходит теперь на единоборства, регулярно, доволен, нравится.

А Алексей – юморист.

– Как тебя покормить? – спрашиваю.

– По-хорошему, – отвечает.

Перед уходом в гости к Кореньковым Надежду Тепеницину у нас вином угощали, зашла меня проведать. На Шагимуратова жаловалась: не даёт им с Галиной на стороне зарабатывать, наукой велит заниматься.

У Кореньковых кроме нас никого не было. Мы подзадержались, и Кореньков был уже хорош, они с Ниной вдвоём праздновать начали, так что разговоров никаких хотя бы квазисерьёзных не получилось. Узнал только, что от их Алёшки жена с сыном к маме в Севастополь уехала, не разошлись ещё, но не получается у них совместная жизнь. Нина на Алёшкиной стороне полностью, а Кореньков о внуке, похоже, очень жалеет, уж так он с нашим Алексеем возюкается каждый раз.

На следующий день я взял билеты до Москвы на 30-е и никуда больше не ходил, чувствовал себя неважно, ломота, слабость, лежать охота, а надо бы к Карповым съездить, к Тамаре Сергеевне – попрощаться, но сил никаких не было. Так ни к кому и не пошёл. В квартире нашей я себя чувствовал неуютно, не как у себя дома, всё боялся что-нибудь забыть, потерять среди этой кучи не моих вещей и, действительно, чуть было туфли не оставил, в последний момент про них вспомнил. Не высыпался, сны дурацкие снились, а утром дети уже в семь часов прискакивали смотреть мультики в большую комнату, где я спал. Я, правда, бегал по утрам вокруг озера, но вяло, и после бега бодрости не прибавлялось, только усталость появлялась.

Может, на Канарах отойду? Так до них ещё добраться надо. И с платежами в Москве ещё разбираться – противно даже думать об этом.

Эх, приустал я, притомился! Испанским даже практически не занимался здесь, совсем ослабел.

Письма Ирине о пребывании на Тенерифе.

1 – 8 октября 1997 г. Москва – Тенерифе

9 октября 1997 г., «Беверли Хиллс», Лос Кристианес, Тенерифе
Здравствуй, дорогая доченька!

Пишу тебе отчёт (с продолжением) о нашей поездке, сидючи в тенёчке на балконе наших апартаментов, в то время как остальные загорают на лежаках у бассейна двумя этажами ниже во внутреннем дворике, куда выходят окна нашей квартиры. С балкона видны также полоска океана, небольшой вулканчик на его берегу и остров Гомера за ним. Но по порядку.

До Москвы я доехал с одним попутчиком в купе. В основном отлёживался, чувствовал себя неважно, всего ломало, какое-то полугриппозное состояние было, но без признаков простуды. Занимался, однако, испанским в меру сил.

Что-то на балконе мне стало прохладно голым сидеть, спустился вниз к бассейну, пишу теперь за столиком, спиной на солнышке, головой под зонтиком.

В Москве (**1 октября**) меня встречал Митя, полный итальянских впечатлений. О них он приготовил отдельный отчёт, но главное – ему предлагают там аспирантуру, и он сильно засомневался (сугубо из соображений научных перспектив) в целесообразности оставаться в Москве. Я остановился у него, отметил командировку в МГУ, съездил в представительство Клуба Ла Коста в Москве по поводу своих коммунальных платежей, искал испанские песеты в обменных пунктах и банках, но прикупил всего 5000 (на 200 000 рублей).

Вечером смотрели с Митей у Михеича футбол («Манчестер Юнайтед» – «Ювентус» 2:1, Лига Европейских чемпионов), легли поздно, а встали рано – в 6 часов, поехали маму встречать. Она прибыла в 7.40, и мы отправились сразу к Бирюковым по настоянию мамы (нас ждут, мол, неудобно), от них к Мите. Митя поехал в посольство за паспортами, а мы занялись приготовлениями к поездке на Канары.

Собственно, из важных дел было – купить песеты, чтобы не делать двойной обмен: рубли – доллары – песеты, что невыгодно, так как приходится платить за одну лишнюю операцию. Песета, впрочем, непопулярная в Москве валюта. – испанцы в Москву особенно не ездят, так что нам с мамой пришлось за ней побегать по Москве. В новых кроссовках это было не слишком утомительно, да к тому же маме хотелось посмотреть лужковские новостройки: Манежную площадь, храм Христа Спасителя, церетелевского Петра, что мы с ней и обозрели с интересом, и даже с удовольствием, поскольку в целом всё это облик Москвы улучшает, во всяком случае разнообразит.

Безусловно, храм хорош (особенно в сравнении с бывшим на его месте бассейном «Москва», да простится мне это сравнение). Пётр, конечно, несуразен, но окружающий довольно унылый ландшафт своеобразно украшает. Церетелевские скульптуры у Александровского сада – не ахти что, но фонтаны всегда хороши, публике, особенно детям, это место нравится, а эстетического единства взглядов, слава Богу, не бывает – и не надо. Опять же, если вспомнить голую Манежную площадь – было хуже.

Песет мы с мамой не нашли, выяснили, что их заказывать надо. Собственно, я уже заказал песеты прямо в МГУ, но там курс был невыгодный по сравнению, например, с Альфа-банком, где я накануне прикупил их немного. Заказы принимают с утра, я решил сделать это на следующий день по телефону. Закупили ещё лекарств, я себя чувствовал по-прежнему неважнецки. Судя по всему, претерпевал криз гипертонический.

Вечером мы все собрались у Бирюковых, откуда связались с Милочкой, которая гостила у Любы в Протвино, договорились о дальнейших контактах. Люба сказала, что завидует: – «По-белому отдыхать собрались, ишь какие!»

Гена померил мне давление: 155 на 105 – очень высокое нижнее (правда, оно у меня и в норме-то между 90 и 100 вроде бы), я по совету Майечки начал глотать папазол с адельфаном. Ночевать Митя поехал к себе, а мы остались у Бирюковых.

С утра я заказал по телефону песеты в Альфа-банке, ещё раз с Милочкой связался, и мы с мамой отправились сначала к Мите в общагу, а оттуда на Пресню, в «Олимп» за лыжными ботинками для новых маминых пластиковых лыж, но неудачно: желаемых чешских ботинок её размера не было. От «Олимпа» мы пешком прогулялись к Белому Дому, мэрии и по проспекту Калинина, заглядывая в банки по дороге – авось, песеты попадутся, но не попались.

Вечером Гена опять померил мне давление: 120 на 80 – таблетки сработали, но чувствовал я себя всё ещё неважно. После ужина играли в карты: в «кинга» и в «ап энд даун», мы с мамой впервые после чёрт его знает скольколетнего перерыва, но вспомнилось всё быстро, и проиграли мы (в «кинга» я один, а в «ап энд даун» оба по чуть-чуть) лишь потому, что карта не шла.

В субботу, **4-го**, утром распростились с Бирюковыми (их Андрей заезжал) и перебрались к Мите. Я съездил за заказанными песетами в Альфа-банк и купил их по удивительно низкому курсу (39,9 рублей против 41,65 или даже 46 в других банках), причём сначала девушка по ошибке посчитала мне рублёвую сумму вообще по курсу 34,4 (спутала с лирами итальянскими, они шли по 34,4 за 10), но я не взял грех на душу, указал ей на ошибку чуть ли не в лимон рублей.

У метро «Университетская» я прикупил в дорогу твёрдокопчёной колбасы, чаю в пакетиках и бульонных кубиков (по настоянию Сашули). Я смеялся – неужели в Испанию их «Галину Бланко» повезём? Повезли. И обратно привезли, конечно.

Пообедали у Мити в комнате и отправились около пяти вечера на метро, где на станции «Речной вокзал» к шести часам нас должна была ждать Милочка. Она там и оказалась. С автобусами в Шереметьево никаких проблем к моему удивлению: и рейсовые 551-го маршрута часто ходят, и экспрессы в аэропорт, которых раньше тут не было. Приехали в Шереметьево-2 в семь часов, а наш рейс (испанской авиакомпании) по расписанию в 21.40 (а по билетам – в 21.15). Мы уселись в креслах и тарабарили с Милочкой, которую я не видел год, а Сашуля и того больше, года три, наверное.

Информация о нашем рейсе долго не появлялась на табло, потом, наконец, выяснилось – рейс задерживается. Сначала до 23-х, потом до 3-х, а улетели мы лишь в 4 утра: меняли самолёт, оказывается, почему-то. Ушлый народ требовал компенсации, но им терпеливо объясняли, что это не регулярный, а чартерный рейс; за полноценные права пассажира нужно не 450, а тысячу баксов платить. Мы же особенно не переживали, так как прилетать утром или даже днём всё же лучше, чем ночью, как было бы, лети мы по расписанию.

Мы изучали в креслах карты и путеводители по Тенерифе, подкормились своей твёрдой колбасой, сухариками и сникерсами-твиксами с пивом и кока-колой, а в час ночи нас (то есть пассажиров задержанного рейса) покормили в ресторане. Не Бог весть чем, а как в самолёте примерно. В самолёте, впрочем, тоже кормили, причём два раза, поскольку летели мы с посадкой на Балеарских островах, на Мальорке, где нас пересадили с одного самолёта на другой (такой же Боинг-737), не запуская даже в аэровокзал.

На Мальорку мы прилетели во время местного восхода Солнца, летели до неё (вполне комфортабельно) около 4-х часов, а потом ещё 3 до Тенерифе, куда прибыли в час дня по московскому времени, или около 10-ти утра по местному.

Ну, а теперь вот начинается собственно рассказ про нашу «канарейскую» жизнь. Вылезем из самолёта: ясно, тепло, температура воздуха 22 градуса, как объявляли в самолёте, но было на самом деле градусов 25, наверное. В аэропорту Рейна София (это второй аэропорт на острове, на самом юге Тенерифе, главным образом, для туристов) нас встречал представитель клуба – парень с табличкой: Namgaladze и ещё две русские фамилии, который отвёз нас на микроавтобусе в Лос Кристианес, в клуб «Бeverли Хиллс», не взяв денег за доставку. Впрочем, и расстояние от аэропорта-то небольшое, 18 километров всего. Отдали портёе свои

бумажки пригласительные и получили взамен них ключи от апартаментов. Никаких анкет, даже паспорт только одного меня попросили показать.

Пошли селиться. «Беверли Хиллс» – это некий многоярусный муравейник в мавританском стиле, построен года четыре назад. Всё ослепительно белое, цветы, пальмы и т. п. кругом. Система внутренних двориков, в одном ресторан, в другом бассейн, из этого второго по наружной лестнице поднимаемся наверх в наши апартаменты. Трёхкомнатная квартира с двумя спальнями и двумя санузлами, вход в один из одной из спален, в другой – из коридора. Гостиная и кухня образуют единое пространство между туалетом и просторной лоджией, разделённое перегородкой в виде стойки бара с тремя высокими креслами перед ней.

На кухне всё, что нужно: большой холодильник, электроплита с духовкой, микроволновая печь, кофеварка, электрический чайник, необходимая столовая и кухонная посуда. В гостиной – диван, кресло, круглый стол, 4 стула, два маленьких столика, стеллаж, телевизор «Самсунг» с 10 каналами спутникового телевидения. В лоджии – белые пластмассовые круглый стол и 4 кресла. В спальнях – кровати (в одной двуспальная, в другой две односпальные), шкафы, туалетно-письменные столы, прикроватные тумбочки. Утюг, фен, сейф с кодом (ключ от него – за отдельную плату). Кондиционеры во всех комнатах. Короче, по советским стандартам – хоромы. По европейским – это якобы даже не 4 звезды, а три, но тут я не вполне уверен. Может, и четыре. Для нашей же компании вполне как раз, и даже одна кровать пустовала: Митя устроил себе спальное место в гостиной на диване перед телевизором (футболы смотреть), а Милочка заняла одну спальню с двумя койками, так что зря Павел отказался от поездки.

Приняв душ и разложив по полкам вещи, мы отправились изучать окрестности – где тут пляж, магазины, почём еда, и где можно заказать экскурсии. «Беверли Хиллс» находится на склоне одной из окрестных вулканических гор на самом краю (южном) Лос Кристианеса. До моря (пардон, океана) – один километр вниз, до центра города примерно столько же. Вдоль океана Лос Кристианес вытянут примерно на 2–3 километра, переходя почти без разрыва в Плайя де Лас Америкас, который тянется километров на пять, а, может, и больше. Типичные курортные города, похожие на Торремолинос и прочие приморские поселения южной Испании.

Океан тут на южном Тенерифе всегда спокоен, водичка прозрачная, тёплая, градусов 22 в это время года, летом температура несколько повыше, но вообще-то сезонная вариация здесь очень слабая: всё-таки географическая широта 28 градусов, рядом Африка, Канарские острова находятся напротив границы между Марокко и Западной Сахарой. Вода очень солёная – единственный недостаток этих мест, как, впрочем, и Средиземноморья. Пляжи песчаные, дно хорошее, рыбы до фи́га в океане, нырнёшь с маской – подпускают до метра примерно. Рыбаки, конечно, имеются, тягают рыбин с моллов, какие на салаку похожи, какие на подлещиков.

Супермаркетов кругом навалом, цены на продукты в среднем повыше мурманско-московских, но ненамного, и заметно ниже, чем во Франции или тем более в Англии, не говоря уже о Скандинавии. Литр сухого красного вина стоит 125 песет (5000 рублей), а литр пива – 150, но не дорогих сортов, конечно, бутылка водки «Московской» – 750 песет. Пока наше питание здесь вместе с пивом и вином каждый день обходится примерно в 2500 – 3000 песет (а это 100 – 120 тысяч рублей) в день на четверых, то есть примерно по 25–30 тысяч рублей или 4–5 долларов на человека в день, что существенно меньше, чем я предполагал (думал будет долларов по 30 в день, правда, это по ценам общепитовским в отелях и ресторанах).

Самое дорогое из наших трат – это экскурсии, они от 2000 до 5000 песет, то есть от 13 до 33 долларов. Изучив их ассортимент, мы пришли к выводу, что четырёх-пяти по 3000 песет в среднем нам за глаза хватит.

В клубе имеется сауна, джакузи, теннис (настольный и большой), сквош. Регулярно в ресторанчике на открытом воздухе кто-нибудь развлекает публику по вечерам. Есть свой продуктовый магазинчик, если лень идти до ближайшего (50 метров) супермаркета.

Выяснив всё это, искупавшись в океане, мы затарились едой и выпивкой, отметили вечером перед телевизором своё прибытие сюда и рухнули в постели.

Утром оказалось, что наша мама почти всю ночь не спала – переживала. Во-первых, она разбила вечером стакан – что теперь будет?! Выселят?! Или штраф большой возьмут?! Во-вторых, когда я уже уснул мертвецким сном, она порушила систему затычки раковины в умывальнике. Раковина заткнулась и никак не хотела откнуться. Пришлось мне первым делом эту систему «чинить», а на самом деле просто подрегулировать немного, хотя и не совсем уж просто – целых две гайки откручивать пришлось (пальцами, инструмент не потребовался). Положительный результат взбодрил нашу маму, но разбитый стакан всё ещё тревожит её душу. Я смеюсь:

– Ты целый стакан носи с собой в сумке, авось, найдём где в магазине похожий, никто и не заметит ничего!

На этот понедельник, **6 октября**, у нас было запланировано одно главное мероприятие: добраться до «Чайофа Кантри Клуб» – клуба, где для нас была забронирована вторая неделя (с 10 по 17 октября), с тем, чтобы договориться там о смене дат заезда и выезда на 11 и 18 октября, иначе нам перед отлётом ночь кантоваться придётся под пальмами (что впрочем нас уже особенно-то и не пугало при здешнем климате). Митя, изучив местные туристические схемы и рекламные проспекты, заключил, что имеет смысл отправиться на экскурсию в экологический парк «Орлы Тейде» (Тейде – это главный вулкан Тенерифе), а на обратном пути заскочить в Чайофу, это рядом совсем. Так и порешили поступить.

Взяли билеты по 2200 на экскурсию в экопарк и на спецавтобусе добрались дотуда минут за 15 от центра Лос Кристианеса. В экопарке мы пробыли часа четыре, не меньше и были совершенно им очарованы. Расположен он километрах в десяти от океана уже в горах, но невысоко ещё. Эти горы, окружающие знаменитый вулкан Тейде, аккумулируют на себе облака и защищают юг Тенерифе от северных атлантических ветров, так что в горах повлажнее, чем на южном побережье, солнце так не палит, облачка всё время набегают, иначе бы мы там сразу обгорели напроочь.

Экопарк, в сущности, представляет собой комбинацию ботанического сада, зоопарка, летнего эстрадного театра и цирка в небольшом живописном ущелье, элегантно обустроенном для удобства посетителей, да и звери, похоже, довольны. Орлы, например, не на привязи и содержатся без потолков, от зрителей только зелёной изгородью отгорожены, летают себе, куда хотят. Но поскольку тут их кормят, летают они сугубо по необходимости для аттракционов, в ходе которых они садятся желающим зрителям на головы – аккуратно и не самые крупные, правда. Те парят очень высоко, исчезают из виду даже, а потом пикируют к хозяину на руку.

Со слоном, пожалуйста, хоть обнимайся. Смотри кормёжку фламинго, пингвинов, крокодилов. Время кормёжки указано на путеводной схеме парка. Я, конечно, снимал и маму с орлом на голове, и Милочку со слоном, не знаю, как получится. Посидели минут сорок на концерте молодых иллюзионистов, очень эффектно они разнообразные трюки с ящиками в духе Кио вытворяли.

Недалеко от входа в парке посетителей встречает чучело мужика ковбойского вида с вытаращенными глазами, совершающего какие-то приветственные движения. Плутая в конце дня по парку, я засёк это чучело разговаривающим с другим, настоящим, то есть живым мужиком и сообщил об этом нашим, которые мне не поверили – как это чучело может разговаривать?! Тогда при выходе я решил проверить – чучело это чучело или нет? И пожал ему руку. Чучело мне подмигнуло, рука оказалась живой, тёплой, ему пришлось даже дёр-

нуться слегка в мою сторону, чтобы удержать равновесие, но со стороны всё выглядело как рукопожатие посетителя именно с чучелом, а не с живым человеком. Ужасно жалею, что не сфотографировал его.

Из парка мы пешком отправились искать «Чайофа Кантри Клуб», и здесь пригодилось моё какое-никакое знание испанского – расспрашивал шофёров, потом продавщицу в местном супермаркете (а до того у горничной выяснял, где фрукты покупать). Чайофа оказалась на вид ещё фешенебельней, чем Беверли Хиллс, хотя и далековато от городской цивилизации. Там мы выяснили, что даты изменить нельзя, а продлить на сутки проживание можно за 6000 песет (40 баксов), что нас и успокоило: мы гораздо больше сэкономили на авиабилетах с этими датами.

Из Чайофы мы решили пройти пешком до Беверли Хиллс и за час одолели расстояние между ними, в основном под гору, без особого, впрочем, удовольствия из-за интенсивного автомобильного движения. По дороге затарились питьём и продуктами и отметили вечером серебряную свадьбу Милочки и Павла литром пива, литром красного вина и бутылкой белого. Вообще же стандартно по вечерам мы выпиваем литр пива и два литра красного вина, причём обычно пиво с чипсами пьём мы с Митей, пока женщины готовят ужин, а за ужином вчетвером распиваем красное.

На следующий день (**7 октября**) мы с утра отправились в экскурсионное бюро за билетами на обзорную экскурсию по всему Тенерифе с русскоязычным гидом (самую дорогую – по 5500 песет). Для русских такие экскурсии проводят по средам, то есть ближайшая была 8-го. Купив билеты, двинулись на пляж, на новое место, уже в Плайя де Лас Америкас, там маме мол горизонт не загораживает – «простору больше». Позагорали, покупались, маску, купленную по дороге, опробовали, Митя обследовал подводный мир у камней, а я понаблюдал за рыбаками. Одна тётка натягала целое ведро и чистила рыбу тут же на месте ловли.

К трём часам Митя подсказал нам, что рядом морские экскурсии разные отправляются в это время. Пошли к кассам, взяли билеты на катамаран «Одиссей-3» с подводными окнами и поплыли смотреть китов.

Около Тенерифе, оказывается, обитает самая крупная в мире колония китов-пилотов, не очень крупных (3—6 метров длиной), но тем не менее китов. Минут 20 спокойного хода, и вот они – киты, то только плавники появляются спинные, а то и выпрыгивают из воды как дельфины. Яхт и катеров они абсолютно не боятся, подходят вплотную, подныривают, можно наблюдать их и сверху, с палубы, и снизу через подводные окна трюмов. Насмотревшись китов, поплыли к северному краю Плайя де Лас Америкас и проплыли рядышком с берегом вдоль всего курортного побережья.

А вечером прямо под нами у бассейна был концерт африканских плясунов и плясуний голосистых, а до них испанец какой-то распевал, и дети обучали публику числительным на разных языках. Публика, разумеется, за столиками, пьёт, закусывает, и мы тоже пьём, закусываем у себя на балконе, а потом мама с Милочкой в африканский пляс пустились, так что утром мама на спину жаловалась: своротила её слегка.

Утром, **8-го**, в 8.30 стартовали в автобусе от расположенного неподалёку «Парадайз Отеля» в обзорную экскурсионную поездку по Тенерифе под путеводством очень говорливого (по-русски) молодого испанского гида Франка, большого шутника, непрерывно приговаривавшего: «чтобы не было проблем» («девочки налево, мальчики направо, чтобы не было проблем»). Впрочем, о Тенерифе он рассказывал довольно толково и интересно. О меде местном, например, и роме из него, который женщины покупают для своих мужей, чтобы не было проблем, когда у них (у мужей) что-то настроение не поднимается. И вздыхал: «Жизнь короткая!», а самому около тридцати. Забавный парень.

Мы, действительно, объехали почти весь остров за этот день. По дороге к вулкану Тейде была одна остановка в сувенирном магазине в Ла Изоре, где Милочка купила себе

серёжки с оливитом, мама оливитовые бусики (оливит – зелёный такой минерал из сердцевины бомб, выбрасываемых при извержении вулканов), а я купил книжку и видеокассету про Тенерифе на русском языке; кассету – для Бирюковых: Майечка коллекционирует видеофильмы про города, сама записывает с телевизора по утрам.

На фоне вулкана Тейде, Тенерифе. 8 октября 1997 г.

На вулкане Тейде мы были на высоте две тысячи с чем-то метров (а вершина находится на 3800 – самая высокая гора в Испании). В поездку на вулкан мы взяли тёплую одежду с собой, там перепады температуры в несколько десятков градусов бывают – от плюс 40 до минус 15 градусов, но, когда прибыли туда, температура воздуха оказалась под тридцать градусов. Ландшафты вокруг вулкана инопланетные. Кругом лава застывшая, как будто поле чёрно-каменное перепахано гигантским плугом. «Миллион лет до нашей эры» здесь снимали. Франк шутил, что американцы на Луну вовсе не летали, а тут всё отсняли. Эффектное зрелище. Пемзы навалом, взяли три кусочка, хотя Франк беспокоился, что туристы растащат Тейде по кусочкам и просил не увлекаться.

Сделав три остановки на Тейде, мы перевалили на северную часть острова, резко отличающуюся от южной высокой влажностью и, соответственно, буйством растительности (на южном Тенерифе склоны гор выглядят выгоревшими, сухо-каменистыми) и спустились в Пуэрто де Ла Круз, второй по величине после столицы Санта-Круз город Тенерифе, образованный тремя поселениями, слившимися фактически в одно большое, с множеством небольших банановых плантаций и вообще богатый тропической растительностью. Всемирно известен местный ботанический сад, но в нашу экскурсию входило посещение Лоро Парка – Парка Попугаев.

Проголодавшись по прибытию в Пуэрто де Ла Круз, мы решили перекусить где-нибудь вне парка, где подешевле, и отведали пепитас кон тернера – подогретые как бы гамбургеры с салатом, помидорами и телятиной внутри, запивая их пивом и ананасовым соком, тут же приготовленным из натуральных ананасов, в крохотной закусочной, где мы поначалу просто порывались закупить бананов. Здесь Митя проявил свои знания испанского, выясняя, когда закрываются на сиесту местные фруктерии.

Лоро Парк – заведение типа экопарка, только масштабнее и народу много. Огромная коллекция попугаев, в том числе дрессированных, выступающих в аттракционах; чудесный аттракцион с морскими львами, удивительными танцорами и акробатами; гориллы в открытых и хорошо обозреваемых вольерах; аквариум с прозрачным туннелем, над тобой акулы и скаты плавают – это то, что мы видели, а до многого так и не добрались, не хватило четырёх часов.

Но более всего мне фильм про природу Земли понравился, широкоформатный, стереофонический, съёмки в основном вертолётные, временами просто дух захватывает, такое ощущение реального полёта над всякими пропастями, каньонами, джунглями и т. п. с реальными эффектными звуками всякого зверья. И фильм прекрасный, и посидеть в прохладе было приятно – жарко и влажно в Пуэрто де Ла Круз, климат южного Тенерифе куда приятнее, просто идеальный.

Из Пуэрто де Ла Круз двинулись на северо-восток и через окраины Санта Круса (столицы Тенерифе) по автобану вдоль восточного побережья острова вернулись к себе на юг.

9 октября – 17 ноября 1997 г.

Вчера, **9 октября**, я весь день провёл в клубе в писании этого письма на солнышке у бассейна, периодически погружаясь в него, а в обеденное время мы с Митей отбивали атаку агента по продаже недвижимости, общение с которым было обязательным условием нашей ваучерной поездки. Он предлагал нам купить дачу (то есть тайм-шер) здесь, доказывая выгоды такой покупки (красный сезон, т.е. гарантированная тёплая погода в любое время года и, следовательно, высокий потенциал обмена в системе RCI, высочайший уровень комфорта и т.п., и т.д.), обещая выкупить нашу дачу в Испании за 8000 долларов (а мы платили 4000), и если мы добавим ещё пару-тройку тысяч баксов, то будем иметь нечто несравнимое с тем, что имеем сейчас, тем более, что цены на землю и недвижимость в Тенерифе растут быстрее, чем где-либо.

Мы всё внимательно выслушали, со всеми доводами согласились, но покупать что-либо твёрдо отказались – не входит, мол, сейчас в наши планы. Девушки с нами не ходили во избежание излишних волнений и были рады, что мы вернулись целыми и невредимыми без каких-либо новых финансовых обязательств.

После этого мероприятия Митя с девушками отправились на бесплатном клубном автобусе в Плайя де Лас Америкас, где Милочка купила складную коляску (!) для внука, Митя восхищался разнообразием и низкими ценами на фотокамеры, а я оставался балдеть на балконе, залитом солнцем во вторую половину дня.

Вечером, после ужина девушки надели свои вечерние туалеты, а я впервые светлые брюки (до этого из шорт не вылезал) и туфли, и мы отправились на набережную, где толпы оказались многочисленнее, чем днём, негры барахлом торгуют, художники рисуют, а в ближайшем к Беверли открытом ресторанчике два мужика – американцы (один молодой, другой пожилой) с гитарами американские кантри-песни распевают (пожилой приятнейшим густым баритоном, молодой подпевал только), и народ пляшет под эти песни. Мы посидели там на парапетике набережной, послушали с удовольствием, поглазели на танцующих, но в пляс в этот раз наши девушки не решились пуститься – хмель от выпитого прошёл, пока гуляли.

Сегодня, **10 октября**, утром, как и каждый день, я бегал час по набережной, а до того зарядочку на балконе делал. Митя со мной не бегаёт, считает, что ему достаточно футбола в Москве. Рассветает здесь в 7.30 по местному времени, в это время я и встаю. Милочка встаёт практически одновременно со мной, а мама с Митей спят подольше. После бега я бултыхаюсь в бассейн. Обычно в это время тут никого нет, народ после десяти выползает.

Сегодня я опять остался в клубе, ловлю кайф на месте, а остальные в Плайя де Лас Америкас отправились. Митя вот уже вернулся, девушки ещё гуляют. У меня лоб и нос уже облезли, скоро остальная кожа слезать начнёт. Я уже почти чёрный, Милочка и была загорелая, остальные на переходе от красного к коричневому загару.

А футболу сколько по телевизору тут насмотрелись! Странно, правда, что «Балтику» не показывают. Вот только испанским я не успеваю заниматься, хоть и притащил учебник и словарь. В Чайофе буду. Погода ужаряется, сегодня явно за 30 перевалило, и даже над горами облачков нет. Печёт всюду, а поначалу было попрохладнее и приятнее.

Девушки вернулись из Плайя де Лас Америкас очень довольные. Милочка купила себе сумку пляжную, кошель напоясной, салфетки сувенирные (всё с тенерифской символикой), туфли пляжные. Маме очень понравилось на плоских камнях загорать, там и плавать интереснее, и ветерок обдувает, а на песке раскалённом очень уж печёт. Мама бюстгальтер утопила промеж камней, не могла достать, ей его какой-то пожилой галантный испанец выловил. Пришлось без бюстгальтера возвращаться – не мокрый же одевать. Впрочем, тут и на пляжу, и у бассейна если не большинство, то множество дам вообще с голыми сисями предпочитают загорать.

И доставкой автобусной девушки были очень довольны – прямо на пляж с комфортом.

Вечером я сходил с девушками в супермаркет, закупили еду на прощальный ужин в Беверли Хиллс, который всем нам очень понравился. Каждый раз мы стараемся закупать всё новые продукты. Вот сейчас мама с Милочкой разогревают в микроволновке пиццу с мерлузой (треской) и паэлью. Это вообще неопишное испанское блюдо вроде плова с кучей компонентов, включая рыбу, ракушки какие-то, креветки, рис, зелёный горошек, красный перец, ещё что-то непонятное. Сейчас будем пировать.

11 октября. Утром распростились с полюбившимся нам Беверли Хиллс, где даже за разбитый стакан с нас отказались чего-либо взять, и на такси (стоянка рядом) перекинулись в Чайофе за 685 песет (я дал 800).

В Чайофе при регистрации нам вручили два букета цветов и бутылку марочного вина ламанчского, а вот апартаменты оказались не то, что я ожидал – студио, то есть однокомнатная квартира на четверых вместо ожидавшейся двухкомнатной, и виноват я сам – в пригластных бумагах это указано, надо было в Москве требовать свою двухкомнатную, но вряд ли тогда это было бы в Чайофе, которая относится к разряду «Голд Краун», что соответствует пятизвёздчному отелю, это тебе не хухры-мухры. Тем не менее, работающие здесь русские ребята пообещали вопрос уладить как-нибудь завтра, возможно, за доплату, а мы тем временем, осмотревшись, порешили, что если без доплаты, то можно и поменять, а доплату девушки платить не хотят – мы, мол, народ привычный, разместимся на двух кроватях и двуспальном диване как-нибудь, вон и в лоджии можно хоть две кровати выставить. Зато телевизор здесь – 60 каналов, включая НТВ, вечером «Куклы» посмотрим, если они футболом не накроются: Италия – Англия, вокруг этого матча жуткий ажиотаж по всем спортивным и новостным каналам. И бассейн здесь побольше раза в три, с джакузи, и настольный теннис прямо рядом с ним, может, и большой теннис попробуем.

И какие-то фокусники уже с утра выступают перед публикой у фонтана. И супермаркеты (два) недорогие, и всё есть, даже с рыбой получше, чем в Лос Кристианесе, побольше выбор. Пивом и вином мы уже затарились, литр пива и литр красного выпили с фруктами и печеньем, заготовленными в номере для гостей, и я остался писать здесь в лоджии, остальные пошли жариться к бассейну.

Сижу в лоджии, слышу снизу кричат:

– Эй, писатель! Звонков не слышишь, что ли?

Это Митя не может в номер попасть. В лоджии, действительно, звонка не слышно. Впустил Митю, пошёл вниз к девушкам, поплавал в бассейне, поджакузился, хорошо спину массирует. Вот пишу теперь за столиком у бассейна. На небе ни облачка, странно даже: в первые дни над горами всё время облака были.

Пришли домой, НТВ включили, там Боярский в каком-то старом фильме «Городские цветы» распевает, дверь на балкон открыта, и над Канарами раздаётся эта песня. Забавное ощущение.

Вечером посмотрели футбол по итальянскому каналу (Италия – Англия 0:0) и спать завалились. Утром девушки и Митя отправились в Лос Кристианес на барахоловку и пляж, а я остался испанским заниматься и ждать русского представителя, который должен был

помочь нам переселиться по возможности. Правда, у меня желание переселяться уже пропало. Так я хорошо устроился: пластмассовый стол перетащил с лоджии в комнату к телевизору, он справа мне по-испански чего только не лопочет, многое даже понятно, слева вентилятор дует, впереди вид на океан, работай только с самоучителем, что я и делал весь день, в четыре только к бассейну спустился, надо же и полежать-погреться, и поплавать, а тут и наши вернулись, тоже довольные – каких-то салфеточек-скатёрочек накупили, а Милочка так и вовсе кожаный рюкзак выторговала за половину той цены, что ей первоначально предлагали.

А представитель русский явился часам к пяти, парнишка молодой, Алексей. Переселить нас он не смог – всё забито, да мы уже не очень-то и хотели. Так, поболтали о том, о сём – о тайм-шере и ценах на него, куда лучше ехать и т. п. Поужинали, как обычно, славно – с вином и в этот раз с рыбой, правда, известной – мерлузой, то бишь треской, но всё равно хорошо.

14 октября. Вчера с утра пораньше, затемно, отправились в Санта Крус (Пуэрто де Санта Крус) – столицу Тенерифе. Минут пятнадцать прождали у клуба автобус до Лос Кристианеса, не дождалось (оказалось, невнимательно изучили расписание) и уехали на такси, благо, оно тут рядышком стояло. С чаевыми оно нам стоило ровно столько же (500 песет), сколько и поездка на автобусе.

В Лос Кристианесе сели на автобус до Санта Крус, отправлявшийся в 8.15, который преодолел расстояние до Санта Крус в 73 километра ровно за час (сделав при этом множество остановок по дороге); билеты нам стоили 3400 на четверых. Рейсовый автобус, хоть и не туристический (гармошка), но вполне комфортабельный, с кондиционированием, удобными креслами.

В Санта Кресе прошлись сначала почти по всей набережной, мимо Дома Правительства, площади Испании, порта, а потом поднялись в собственно город и бродили по нему, имея поначалу конкретные цели: мне – плёнку купить, Милочке – деньги поменять, а потом гулянье (через парк и бульвар Франко) превратилось в поход по магазинам с закупкой очередных тряпочек на центральной торговой пешеходной улице, которая привела нас снова на площадь Испании, где мы попили пива с чипсами и решили не ехать на местный пляж, знаменитый тем, что песок на него привезён из Сахары, поскольку над той стороной берега, где пляж, клубились облака, а я так и вовсе считал, что лучше пляжа, чем у бассейна в Чайофе, всё равно не найти, а тащиться куда-то ещё на автобусе будет уж слишком утомительно при всей комфортабельности местных автобусов.

В результате мы в 2.30 уехали в Лос Кристианес, но оттуда в Чайофу сразу не поехали, а двинулись на пляж, к камням, искупались, мы с Митей поплавали по очереди с маской, но меня и там тянуло к бассейну, так что лежать на пляже не стали, пошли в Плайя де Лас Америкас узнавать про фламенко в «Пирамидах» (Дворце Конгрессов), узнали, когда начало, почём билеты, и что будет не только фламенко, но и испанская версия классического балета, что места не нумерованы и нужно приходиться заранее. Не в ту сторону пошли ловить такси (понравилось ездить) и дотопали вновь до Лос Кристианеса-1, откуда все автобусы стартуют. Тут, наконец, взяли такси и за пять минут доехали до дома. Поужинали, как обычно, с пивом и вином, и так сморились, что даже «Одиссея» Михалкова-Кончаловского не смогли досмотреть (Митя, кажется, досидел до конца, и мама, говорит, тоже).

Сегодня утром я вернулся с пробежки за фотокамерой и снимал восход Солнца, а также могучие деревья в самой Чайофе. После завтрака продлили проживание на сутки, и девушки, немного поплавав и прокатившись с резиновой горки в бассейне, отправились в Плайя де Лас Америкас, а мы с Митей сейчас пойдём в настольный теннис играть, вчера ракетки с шариками прикупили за 725 песет.

Поиграли очень хорошо (не в смысле класса, конечно, а приятно – в плавочках, на солнышке, рядом с бассейном), только у меня тапка развалилась; пока ходил за кроссовками и купались – стол заняли; дождались, когда освободится, поиграли ещё немного, нас попросили уступить стол для турнира и самим в нём поучаствовать. Мы решили сразу не сражаться, тогда у нас ракетки в долг попросили, а мы пошли к себе, допили остатки вчерашнего красного вина, Митя сходил за пивом, выпили литр с чипсами, и Митя пошёл прогуляться на разведку вверх, в гору, а я остался у телевизора испанским заниматься.

Около семи вернулись сначала Митя, а потом мама с Милочкой. Митя дошёл до Ароны («райцентр» километрах в шести от Чайофы) и пошёл вверх дальше, красиво там, говорит, а вернулся на автобусе, к которому ему пришлось кубарем с горы скатываться, чтобы успеть.

А девушки всё дальше на север по Плайя де Лас Америкас продвигаются, но главное впечатление у них, вернее, у Милочки, сегодня – она реализовала своё твёрдое намерение, ещё в первые дни у неё возникшее, прокатилась на водном мотоцикле за 5000 песет 20 минут. Правда, одна, самостоятельно, ехать она не решилась, уселась сзади испанца, и тот пока-тил её в открытый океан, прыгая по волнам на скорости 70 км в час, к китам, меж китов они и катались, а обратно Милочка уже сама за рулём была, крепко в него вцепившись, аж мозоли у неё на ладонях появились. Милочка в восторге: – О-очень классно!» – говорит. Я маме теперь предлагаю на парашюте над океаном попарить на верёвке с катера (есть такое развлечение) – не соглашается.

А сейчас, **14-го октября**, вечером, Митя смотрит шотландский футбол, я пишу эти строчки, а девушки готовят ужин. Будем сегодня отмечать день рождения – 75 лет! – нашей с Милочкой (и Любиной, и Сашулиной) мамочки, любительницы путешествий и острых ощущений.

А ещё – ведь сегодня Покров! А мы в неглиже при открытой двери на балкон ужинаем!

И ещё: после ужина по НТВ смотрели отчёт о матче «Зенит» – «Балтика», который «Балтика» выиграла в Питере со счётом 1:0. Матч моих любимых команд, но победе «Балтики» мы радовались, конечно, куда больше, чем огорчались по случаю поражения «Зенита».

15 октября. Сегодня с утра планы на день у нас поменялись. Фламенко решили перенести на завтра, а сегодня разделить: мы с Митей идём в горы к Адскому ущелью, а мама с Милочкой едут в Парк кактусов и животных «Амазония». Стартовали почти одновременно около 11 утра и вернулись тоже почти одновременно около семи вечера.

Мы с Митей проехали 6 километров вверх от Чайофы до Ароны, а оттуда пошли по карте по какой-то совершенно символической дороге, которая быстро вывела нас на край ближайшего ущелья, по этому краю мы и двинулись вверх на север, при этом ущелье становилось всё глубже и грандиознее, я то и дело фотографировал его, не подозревая, что на нашем пути таких ущелий будет ещё по меньшей мере три, одно другого глубже и величественнее, а последнее (из тех, до которых добрались), судя по всему и было Адским (высота стен более 300 метров, а ширина в узких местах менее 40). Зрелище впечатляющее!

В Адском ущелье у меня кончилась очередная, 4-я плёнка. Планировал сделать кадрик пять, а отснял пятнадцать, и то не хватило плёнки. Зато шишку я подобрал огромную (с ананас) от канарской сосны на память об этом походе.

Митя горел желанием спуститься по дну какого-либо из ущелий к океану, или хотя бы в Адехе. Не без труда я убедил его в нереальности этой затеи: идти без тропы с голыми ногами через кустарник, в лучшем случае по высохшему речному руслу, а если обрывистые перепады, какие мы уже видели, у этого русла, где водопады образуются? А ещё он предлагал самое первое ущелье пересечь по водоводу – жёлобу не шире 30 см от стенки до стенки шириной сантиметров по 10 каждая, проложенному непонятно как по почти отвесным стенам ущелья. Не уговорил меня.

В Чайофу мы спустились не как поднимались, а по обнаруженной асфальтовой, но окружной дороге, срезая, впрочем, серпантины напрямик по склонам. Километров тридцать, не меньше, за день по горам набегали. И в совершенно диких вроде бы местах наткнулись на уютные точки с пивом и прочими радостями «всё для туриста» – цивилизация!

А девушки тоже остались довольны экскурсией в очередной экзотический зоо-ботанический парк, где ещё и минералы местные демонстрируются; обезьяны (кистоухие «Тити») на головы посетителей запрыгивают, по сумкам шарят, одна у Милочки пакет с кремом от солнца утащила на дерево, правда, бросила потом: рептилий всяких множество (вараны, игуаны и т.п.); колибри летают, зависая в воздухе, как вертолётчики крошечные; фазаны, попугаи повсюду, одним словом, Амазония!

В предпоследний день, **16 октября**, после завтрака Митя внезапно решил смотаться в эту «Амазонию», и я отправился с ним, хотя и не собирался, но всё равно надо было за плёнкой съездить, в Чайофе «Кодака-200» не было. Закупили плёнку, съездили в «Амазонию»; впечатления такие же, как и у наших девушек; я приобрёл там две хорошо иллюстрированные книги по Тенерифе (одна – скорее фотоальбом, вторая – целый справочник, правда, староватый уже).

Вернувшись, посмотрели корриду по телевизору, не такую, как та, на которой мы были: торреро, гарцуя на лошади (сначала на гнедой, потом на белой), сам втыкал в быка бандерильи разных размеров – чуть ли не от копыта до совсем маленьких, при этом лошади, особенно белая, прямо-таки балет исполняли, сверхграциозно подпуская к себе быка прямо вплотную, казалось, рога уже почти касаются лошадиного брюха. Ну, а потом, когда бедняга-бык ослабел и его передние ноги всё чаще подгибались, торреро слез с лошади и с трёх только ударов покончил с быком.

Милочке зрелище не понравилось, и смотреть его до конца девушки не стали. Они, пока мы ездили в «Амазонию», гуляли по Чайофе и собирали в её окрестностях съедобные плоды кактусов, все иззанозились кактусовыми колючками. Перед ужином мы с Митей поиграли в настольный теннис, а за ужином все экспериментировали с плодами авогадо, кусочки которого, если посолить, на шпик свиной мягкий похожи. Эти эксперименты слегка потревожили наши желудки, а нам предстоял концерт, но всё, к счастью, обошлось.

На концерт Митя не пошёл. Я, говорит, был уже в Испании на фламенко. Мама ему: – Ты как тот милиционер из анекдота («Давай, ему книгу подарим!» – «У него уже есть книга.»).

И зря не пошёл. Билеты по 3750 песет. Огромный зал, глубокие мягкие кресла, сидели в пятом ряду – места идеальные, фотографировать, правда, не разрешается, но программки шикарные, на 4-х языках, включая русский, с цветными фотографиями журнального формата.

Выступала труппа Кармен Мота, которая сама была прима-балериной, а сейчас хореограф и художественный директор театра «Эскала» в Мадриде. Весь концерт шёл как единый спектакль испанского танца с элементами классического балета. На сцене одновременно до сорока человек отплясывало, грохоча ладонями, каблуками, кастаньетами и тростями, разметая брызги пота веером вокруг. Возбуждает до слёз. За одни эти пляски полюбишь Испанию, ведь нигде больше такого нет.

Вернулись без проблем на такси около полуночи, я вино красное допил и ещё долго ТВ смотрел, вслушиваясь в испанскую речь.

Сегодня, **17 октября**, в последний день наших канарских каникул отправились все вместе на прощанье с океаном в Лос Кристианес (на такси), а там спонтанно решили смотаться в Лос Хигантес – надо же мне плёнку дощёлкать, а в Лос Хигантес виды красивые, судя по открыткам: отвесные стены гор прямо в океан спускаются.

Расстояние дотуда всего 30 километров, но автобус преодолел его за полтора часа, колеся со множеством остановок по всем проезжаемым городкам. Место оказалось не только очень живописным, но и весьма урбанизированным, с вывесками даже на русском языке, тут отдыхать, пожалуй, не хуже, чем в Лос Кристианесе.

Мы покупались, поплавали с маской у скал в прозрачной водичке, позагорали напоследок на пляже из мелкого чёрного песка и возвратились в Чайофу с шиком на такси, заплатив 3500 песет. Такси, правда, пришлось довольно долго ждать на стоянке. В последний раз затарились вином и продуктами в супермаркете при клубе, заказали на завтрашнее утро такси в аэропорт, сложили вещички, и вот девушки готовят прощальный ужин, а я заканчиваю свой отчёт.

О чём ещё не написал? Очень аккуратно обслуживают в магазинах, такси и повсюду, где надо расплачиваться. Кассовые аппараты показывают, сколько надо заплатить, сколько ты дал, сколько тебе положено сдачи, на чеках всё легко разобрать (Милочка – наш бухгалтер, по чекам потом отчёт финансовый каждый день составляла), сдачу дают отчётливо, чайные (50—100 песет) таксисты берут с благодарностью, но рассчитываются сначала строго по счётчику.

Вообще же поездка превзошла все ожидания, мои, по крайней мере. Да и остальные с этим согласились. Природа, погода, комфорт, купание, питание, выпивка, экскурсии, развлечения – всё в превосходной степени! Мои болячки все напрочь с ходу прошли, только мышцы после первых длительных походов болели. Тонус у всей нашей компании был бодрый, доброжелательный. Вот только сейчас, в аэропорту, Митя меня жадиной обозвал за то, что я ему не хотел тысячу песет дать разменять – соку попить. У меня мелочи уже не осталось, а бумажка в 1000 песет – это 40000 рублей, разменяешь – мелочь некуда девать, у меня её дома уже хватает всякой, вот и получится сок за 40000 рублей – жирновато будет! В самолёте соком хоть залейся задаром, недолго уж терпеть осталось.

Дал я ему эту бумажку, но Митя не стал её тратить: ты, мол, потом иззудишь меня за этот сок!

А вообще, самое удивительное – это то, что мы втроём на всё про всё абсолютно (питание, выпивки, экскурсии, концерт, такси, сувениры и т.п.) потратили 740 долларов за две недели при том, что я только на последний сок денег и пожалел, да отсоветовал Мите покупать здесь фотокамеру. Я ожидал, что расходы будут раза в полтора-два выше.

Ну, а сегодня уже **17 ноября**. Месяц почти, как я вернулся в Мурманск, а через неделю за мной мама. Конец года, запарка, как обычно, и в МГТУ, и в ПГИ. Закупаю новую вычислительную технику на кафедру. Терещенко чуть ли не с угрозами тащит меня обратно в ПГИ как основное место работы, но я сопротивляюсь: в МГТУ мне больше нравится – платят больше и относятся лучше.

Лыжный сезон я открыл **8-го ноября**, а мама **9-го**, вчера и позавчера тоже катались. Мама в восторге от своих новых пластиковых лыж, купленных ещё весной, но вот ботинки и крепления она только сейчас в Москве купила, и теперь носится по горам как птичка, тем более, что я наконец-то научился правильно смазывать пластиковые лыжи. Морозы у нас были уже до -18 градусов, но в основном погода с небольшим минусом, снегу ещё маловато, но достаточно для катания – лыжня уже есть нормальная.

Фотографий я пока только по одному пробному отпечатку сделал, снимков много, есть удачные.

Ванечка, мы с твоего позволения начали возиться с твоими нижними граничными условиями, программу для которых ты передал в своё время. Возникнут проблемы – свяжемся. Разумеется, без тебя ничего публиковать не будем.

На этом заканчиваю. Всех крепко целуем, поздравляем с Ваниным днём рождения и днём вашей свадьбы, живите дружно и не болейте!

635. Октябрь – ноябрь. Я уволен из ПГИ. «У ПГИ голова в Мурманске, а мозги в Апатитах»

21 октября 1997 г. Прибыл в Мурманск из Москвы поездом. Температура воздуха в Мурманске – ноль градусов. На кафедре распили смирновскую лимонную, а вечером у меня с Власковым 0.75 белой выкушали. Но красное сухое лучше.

22 октября. Лига Европейских Чемпионов: Динамо (Киев) – Барселона 3:0.

23 октября. Температура воздуха утром минус 7, ясно. 19 лет без мамы.

25 октября. Оборудовал кабинет на кафедре под компьютер.

27 октября. Сашуля приехала из Москвы, Владимира.

А я, оказывается, уволен из ПГИ! А Миша Волков – начальник сектора. Терещенко, видать, не дождавшись моего появления у него, разозлился и меня уволил. Даже не предупредив. Впрочем, оказалось, что я и принят-то был по 20 октября. Об этом я просто забыл, так что на Терещенко сетовать нечего. Я ему обещал определиться (с основным местом работы) после отпуска, но к нему не пошёл, некогда было, а ему ждать надоело. Вот он таким образом и решил меня подтолкнуть. Не пригласить к себе, а приказ издать. В его стиле.

29 октября. Отборочный матч чемпионата мира между командами, занявшими вторые места в своих группах. Россия – Италия 1:1.

31 октября. Миша Волков уговорил меня заявление о совместительстве в ПГИ написать. А Терещенко вызывал к себе Олега и Романа, интересуясь их дальнейшими планами. Олег сказал, что он в университет переходит. Роман – что он с Александром Андреевичем хочет продолжать работать, но в ПГИ, ему тут нравится. От Терещенко они ничего внятного не услышали. Про сокращение грядущее что-то говорил.

Роман в библиотеке услышал высказывание: «У ПГИ голова в Мурманске, а мозги в Апатитах».

1 ноября. Алёше – 5 лет!

3 ноября. Очередное объяснение с Терещенко. Спокойное. Я ему объяснил, что возвращаться в ПГИ как на основное место работы я согласен лишь на тех условиях, которые я ему уже объявил, и которые его не устраивают (в части зарплаты, главным образом). Но по совместительству в ПГИ работать согласен и даже заинтересован, чтобы не тащить всех в университет, а оставить часть людей из нашей команды здесь, Сашулю и Романа прежде всего.

На что Терещенко заявил, что против совместительства моего он в принципе-то не возражает, но тему самостоятельную он мне в ПГИ не даст вести, поскольку руководить темами должны свои, штатные сотрудники. Это его принципиальная точка зрения такая.

Я решил не спорить сейчас по этому поводу. Есть ведь ещё учёный совет, не всё же Терещенко один решает.

5 ноября. Подписал у ректора кучу бумаг по штатам (редакции «Вестника МГТУ»), помещению, телефону и компьютерам (принтерам, сканерам) для редакции и кафедры. В штат редакции кроме меня (главный редактор) и Валеры Ярова (ответственный секретарь) вошли Олег Мартыненко (главный специалист по компьютерному редактированию и вёрстке) и Галина Васильевна Зобнина (ведущий редактор) – наша англичанка из ПГИ, которая обучала меня, а впоследствии и Сашулю с Градой Петровой английскому.

Все переходили на более высокие разряды и, соответственно, зарплату, чем имели на прежних местах работы. Валера и Олег кроме того оставались по совмещению должностей завлабами на кафедре с сохранением полярок и по этим должностям. С Олега, однако, я не снимал и его научных задач. Справится.

Что касается техники, то осталось её получить и развернуть. И тогда условия для работы здесь в МГТУ совсем уж ни в какое сравнение с ПГИ не пойдут.

А вечером киевляне нокаутировали «Барселону» у неё на поле в Лиге Чемпионов – 4:0!
7 ноября. Папе и Великому Октябрю – 80 лет! Оба не дожили.

В ПГИ весь день для Ирины канарские записки набирал.

9 ноября. «Балтика» заняла 9-е место в чемпионате России, а «Зенит» – 8-е.

15 ноября. Италия – Россия 1:0, и на чемпионат мира едет Италия.

16 ноября. Минус 1—3 градуса, туман, безветренно. 2 часа катались с Сашулей по верхней трассе. Сашуля очень новыми лыжами довольна.

Скандал вокруг гонораров Чубайса и компании за книгу о приватизации.

Моё письмо Мите от 20 ноября 1997 г.

Здравствуй, дорогой сынуля!

Спасибо за письмо и прости за молчание. Помимо стандартной запарки конца года я был занят ещё набором на компьютере моего отчёта о нашей канарской поездке и уже отправил его Ирине двумя заказными письмами.

Сделал фотографии по пробному отпечатку, отдал часть на увеличение, приезжай смотреть, и отчёт считаешь.

Милочка звонила, благодарила за поездку, вспоминает с удовольствием, особенно, когда воды и света нет.

На кафедре у меня на столе Pentium 200 появился, жду теперь P2 233MHz, новый лазерный и струйный принтеры и пару сканеров. К Интернету обещают подцепить.

В ПГИ завтра Учёный совет с утверждением важнейших результатов этого года и тем на следующие два года; мне грозят тем не утвердить, если не вернусь в ПГИ на постоянную работу. Посмотрим. Уж под угрозами-то я точно не вернусь.

В МГТУ мне денег за главное редакторство пока ещё не платили, но обещают заплатить за все осенние месяцы. Оплатили дорогу в отпуск – все мои купейные билеты от Мурманска до Калининграда и обратно (Терещенко обещал оплатить как командировку, если вернусь в ПГИ, но я пока не собираюсь).

Сегодня в Сбербанке отправлял свои взносы в Штаты и подал заявление на карточку VISA CLASSIC.

В ноябрьские праздники мы с мамой открыли лыжный сезон. Мама сверхдовольна своими новыми лыжами, тем более что я настрополил, наконец-то, правильно лыжи смазывать (не нужно смазывать верхнюю часть).

Футболы все, конечно, смотрел. С Россией всё ясно, «Балтика» – чемпион, а вот киевляне, боюсь, просто на слабую «Барселону» попали, хорватов-то они же (в сборной) не смогли обыграть! Посмотрим на них в оставшихся играх.

С Анной Шилиной что поделаешь? Будем ждать ответа, тереби её хоть раз в неделю.

Ждём твоих весточек, целуем. Папа, мама.

21 ноября. Учёный Совет в Мурманске по утверждению тем на следующий год. Результаты этого года не обсуждались, хотя, казалось бы, планировать нужно, исходя от достигнутого, что я и предлагал. Терещенко, однако, настоял на первоочередном рассмотрении планов ввиду того, что их отсылать срочно надо. Кто ему мешал Совет раньше провести?

Мои предложения не рассматривались. Терещенко заявил, что он против того, чтобы темы возглавлялись совместителями, и заблокирует любое решение Совета, которое будет против этого. Если Намгаладзе не хочет возвращаться в институт как на основное место работы, то он может, если захочет, проводить свои исследования в рамках чьей-либо темы, с кем договорится.

Тут раздались голоса (Яхнина, Иванова, Леонтьева), что, конечно, какие проблемы, Намгаладзе к себе в тему любой из них возьмёт. Юра Мальцев предложил мне к Славе Ляцкому податься. Голоса же мурманчан – мой, Власкова, Боголюбова о том, что в Мурманске и так тем мизер по сравнению с Апатитами, и зачем их число к нулю стремить, не были восприняты апатитянами, составляющими большинство в Совете. Да и с Терещенко никто не был настроен воевать. Что поделаешь, если он не хочет? Молодец, усмирил он-таки Учёный Совет. Побузили при Пивоварове и будет.

Мои рассуждения о том, что я, ведь, весь этот год возглавлял тему и сектор, будучи совместителем, а посмотрите на результаты, тоже не оказали воздействия на большинство членов Совета. Пришлось мне к Юре Мальцеву обратиться: возьми, мол, к себе в тему, у нас же достаточно пересечений в тематике. Юра ответил, что он сочтёт за честь, Славу-то он, мол, из вежливости предложил, а если я к нему пойду, то он только рад будет.

636. Декабрь. Митя приехал на последние зимние каникулы перед отъездом в Италию

Д е к а б р ь 1 9 9 7 г.

Моё письмо Мите от 1 декабря 1997 г.

Здравствуй, дорогой сынуля!

Спасибо за емелю. Разделяю твои переживания по поводу отсутствия ответа из Италии. Но тут уж что поделаешь? Как Бог даст. Нужно быть готовым к любым вариантам.

А что Марина-то сама предлагает в плане твоей кандидатской? Самообразование – это, конечно, хорошо, но научную-то работу надо вести, пока ты здесь в аспирантуре. Впрочем, думаю, с этим ты сам разберёшься.

Я завтра еду в Апатиты на двухдневную сессию Учёного совета по заслушиванию отчётов. На предыдущем совете в Мурманске мне отдельную тему на следующий год по настоянию Терещенко не утвердили (нельзя, мол, совместителям, пусть возвращается в ПГИ на полную ставку). Несколько руководителей тем высказали готовность взять меня (с группой) к себе. Я пока попросился к Юре Мальцеву. Тот ответил, что сочтёт за честь, но, боюсь, что Терещенко будет против.

В ПГИ я тем не менее возвращаться пока не буду, а на всякий случай и маме место держу в МГТУ, и Роману – моему аспиранту (если Терещенко попытается навязать им другую тематику). Миша же Волков и так уже перешёл ко мне на кафедру доцентом, и Олег Мартыненко собирается перейти ко мне в журнал.

У нас стоит морозная погода (-15 градусов), но маловато снега, спуски кочковатые, вчера я грохнулся в конце большого спуска (перед поворотом направо ко второму КП) и сильно ушиб большой палец левой руки, мама всё пыталась меня в травмпункт отправить, но безуспешно. Сустав опух, но перелома, похоже, нет.

А киевляне-то могли и проиграть «Эйнховену», а там, глядишь,...

На этом пока. Как у тебя с деньгами? Целую, папа.

2 декабря. Последний (?) отчёт по теме на Учёном Совете в Апатитах. Выступил вдохновенно. Да и результатов в этом году много, хороших и разных – и по мезосфере (с норвежцами), и по каспу (сезонные эффекты), и по буре (с Романом).

Письмо Мити от 2 декабря 1997 г.

Привет!

Самая важная новость – вопрос о приглашении в Италию решён положительно!

Я получил E-mail от Даниелы Корды вчера вечером. Надо теперь отправить ей окончательное подтверждение и ждать официального приглашения. Реально выехать получится не раньше конца января (в зависимости от визы и билетов).

У меня, конечно, гора с плеч свалилась – неопределённость слегка действовала на нервы. Зато теперь масса хлопот, но всё достаточно понятно (какие действия надо предпринимать). Сегодня уже купил самоучитель итальянского – надо всерьёз заняться языком.

Вчера же я дозвонился и до Анны Шилиной. Она наконец-то получила ответ из Сан-Антонио: они ищут документы, подтверждающие оплату коммунальных услуг, но пока не нашли то, что надо. Анна Шилина попросила меня позвонить через неделю.

Погода у нас также устанавливается морозная, хотя это пока не мешает нашим футболом. Денег у меня тоже хватает, в том числе и на оформление билетов и визы в Ита-

лию (ты же мне лиры оставил – они пока ещё не трачены, хотя уже на этой неделе их черёд, видимо, подойдёт).

На этом пока всё. Завтра, наверное, пошлю ещё письмо и ты их прочтёшь вместе (я забыл, что тебя сегодня и завтра нет в Мурманске). Целую. Митя.

Письмо Мити от 3 декабря 1997 г.

Привет!

Ещё по поводу Италии: берут меня на испытательный срок 6 месяцев, во время которого будут платить 870 тысяч лир в месяц, из которых 150 тысяч будет уходить на оплату жилья в институтском «guest house» прямо напротив институтского здания; при этом я буду делить «apartment» ещё с кем-то (т.е., наверное, как комната в блоке). Остаток составит около 400\$; Миронов говорил, что он на еду тратит около 150\$, т.е. на жизнь хватать должно. Если я сумею хорошо зарекомендовать себя во время испытательного срока (к чему я приложу все свои усилия), то меня зачислят в их аналог аспирантуры (и будут платить около 1.300 тысяч лир в месяц). Всё это меня вполне устраивает, да и выбирать особенно не приходится.

Теперь надо ждать официального приглашения для получения рабочей визы. Я сообщил Даниеле Корде (моему будущему шефу), что планирую приехать около 1 февраля. Хотелось бы успеть до рождественских каникул подать документы на визу и спокойно уехать на Новый год к вам. Итальянский язык по первым впечатлениям очень похож на испанский, как в лексике, так и в грамматике, надеюсь, что успею выучить хотя бы в том же объёме (а лучше в большем)

Это пока все мои дополнения. Целую. Митя.

Моё письмо Мите от 4 декабря 1997 г.

Поздравляем! Радуемся вместе с тобой, Целуем, папа, мама.

9 декабря. Учёный Совет в Апатитах по важнейшим результатам ПГИ за 1997-й год. По категории результатов мирового уровня котировались только два наших и два Юры Мальцева, но Юра получил больше голосов. Остальные отстали далеко, в том числе и Слава Ляцкий. Голосование было тайным, и, конечно, отражало не только научную (а, может, и не столько) значимость, но и «политические» пристрастия – этого мы любим, а этого нет. Славу Ляцкого стабильно унижали при таких голосованиях.

13 декабря. Сашуля ужасно переживает по поводу своего будущего положения в ПГИ в свете моих взаимоотношений с Терещенко, всю ночь не спала. Забирай, говорит, тогда уж и меня отсюда в университет! К Мальцеву-то Терещенко не отпускает, как и предполагалось: это, мол, надо было сразу делать тогда на Учёном Совете, а теперь планы уже отправлены, и вообще сокращение предстоит, пусть Мальцев у себя кого-нибудь сократит, а Вас на свободное место возьмёт.

Я ей объяснял, что это у Терещенко стиль такой – помуржиться, подержать в подвешенном состоянии. Ну, и чёрт с ним. Пусть сокращает. С университетом спешить не надо, не все окопы там ещё вырыты, чтобы целую команду туда целиком перетащить. Да и не следует с ПГИ полностью-то рвать отношения, из-за одной библиотеки хотя бы.

Сашуля мне пеняла, что я не иду к Терещенко её с Романом судьбу определять, а я ей пытался разъяснить, что сейчас это бесполезно. Терещенко мне ничего не скажет определённого. Но и ничего резкого в отношении вас он предпринимать, на мой взгляд, не будет. Так что работайте себе, пока вас не трогают. Задачи есть, в чём дело? Роман, собственно, и не берёт в голову, что там Терещенко на его счёт думает. Делом занимается себе и правильно делает.

17—19 декабря. Городская научная конференция школьников в Лицее «Юность Севера». Я – председатель жюри, в котором ещё Подымахин, Успенский, Вихорев и Волков. Успенский скандал при детях устроил по поводу подсчёта баллов, его мнение неправильно учли. При этом я занижил оценку нашему с Олегом лицеисту, остальные от этого только выигрывали, Успенский же на принцип завёлся, как дитя малое. Тоже мне, доктор наук.

После закрытия конференции я в больнице Путинцева навестил, который загремел туда с инфарктом и оставил меня без заместителя.

20 декабря. Лёва Ерухимов умер в возрасте 61 год.

22 декабря. Светлана Ратынская у меня появилась, длинноногая такая девочка, темно-волосая, хочет ко мне в аспирантуру поступать. Подымахин очень мне её рекомендовал, она у него в пединституте училась, физикой плазмы занималась. Её было в Университет Тромсё в аспирантуру почти уже взяли, тестирование английского по Тойфелю сдала, но в последний момент что-то сорвалось с финансированием.

25 декабря. Учёный Совет МГТУ выдвинул меня в ВУРы (**В**ыдающиеся **У**чёные **Р**оссии), на госстипендию, значит. Голосовали 46:0. Серeda, Ольховский, ректор хвалили. Приятно.

27 декабря. Митя приехал на последние (?) зимние каникулы перед отъездом в Италию.

1998 г.

**Мурманск – Владимир – Калининград –
Петербург – Сестрорецк – Пескара – Фоссачезия –
Ланчиано – Турин – Милан – Венеция –
Болонья – Флоренция – Рим – Неаполь –
Капри – Потсдам – Ницца – Монако – Берлин –
Констанц – Меербург – Фридрихсхафен –
Мюнхен – Магдебург – Дрезден – Лейпциг**

**637. Январь. Гене Бирюкову –
60! О будущем Сашули и Романа**

Январь 1998 г.

1 января. Смотрели «Звуки музыки» по ТВ, а я накануне как раз вдруг что-то вспомнил о них, как они мне понравились когда-то, хотя содержание, как оказалось, я подзабыл изрядно. Вечером Власков с Ваней у нас в гостях.

Письмо Мити от 19 января 1998 г.

Привет!

Наконец-то практически все мои проблемы разрешились! Сегодня я всё-таки получил визу (до 23 июля) и заказал билет на первое число в Римини (но получу его я только 30-го – это распространённая практика в турагентствах). Причём оказалось возможным взять билет только в один конец за 200\$.

Если куплю завтра джинсы (впрочем, если и не куплю, то наверное тоже) поеду с утра в среду во Владимир (на один день). А в воскресенье мне занесли мамино письмо – оно пришло 8-го, его забрал наш однокурсник, а потом забывал отдать. Это пока все мои новости

Целую. Митя.

Моё письмо Мите от 20 января 1998 г.

Привет!

Ну, слава Богу! А у меня вроде бы наклеивается совмещение поездок в Потсдам (14—19 апреля) и в Ниццу (20—24 апреля), но пока не всё ещё ясно.

Решил опробовать свою кредитную карточку для оплаты подписки на National Geographic, послал им бумажку с номером счёта и подписью. Опробовал сканер и цветной принтер, но не во всех режимах. Одна фотография (зимний пейзаж за Ленинградкой), увеличенная с помощью сканера до формата А4, уже украшает стену моего кабинета. А в соседней (редакционной) комнате идёт ремонт, так что всю новую технику пришлось временно свернуть, и для Милочки я пока так и не сделал картинок. Интернет тоже пока завис в МГТУ, надо ругаться идти, да некогда: работаю с авторами первого выпуска «Вестника МГТУ».

Ну, а как с Мариной, поговорил, наконец? Какова её реакция? Стоит ли маме ехать в Москву провожать тебя? Мне, честно говоря, не очень хочется её отпускать: дел много на работе, да и деньги лучше не на Москву тратить, а на куда-нибудь подальше, на ту же Италию, если ты там зацепишься. Но если очень хочется или надо – сообщи.

Целую, папа.

21 января. Терещенко наш сектор сократил. Теперь Сашуля и Роман находятся за штатом. Терещенко предлагает им найти «крышу»: договориться с кем-либо из руководителей тем, чтобы официально числиться в штате. Намекает, что можно и к нему в лабораторию пойти, поскольку у остальных проблемы – своих сокращать якобы надо. Наши с Мишей Волковым заявления о продлении совместительства лежат без движения, мы уволены с 18 декабря.

Письмо Мити от 22 января 1998 г.

Привет! Я съездил вчера во Владимир, возможно, больше до отъезда там не появлюсь. Штаны, кстати, я так и не купил (может быть, и не куплю).

В субботу иду на день рожденья к дяде Гене (к двум часам). Сейчас в Москве находится дядя Павел, я должен вечером с ним связаться. А Анна Шилина опять исчезла в какой-то отпуск, но должна завтра появиться в районе шести часов, попробую к этому времени ей дозвониться. А разговор с Мариной будет у меня сегодня после трёх. Мамин же приезд всё-таки вряд ли необходим, хотя я, конечно же, хотел бы, чтобы она меня провожала. Но хлопот перед отъездом много и времени на общение будет мало, а у мамы много работы в Мурманске. Но с другой стороны, я понимаю, как ей хочется ещё раз меня увидеть. Я, в принципе, могу и оплатить мамину поездку (похоже, что я смогу сдать свою комнату на шесть месяцев долларов за 400, и в этом случае у меня к Италии будет более 1000 долларов). Так что решайте сами.

На этом пока всё. Целую. Митя

27 января. Беседовал с Терещенко по поводу Сашули и Романа. А перед этим с Чуриковой общался, Татьяной Васильевной, главбухом ПГИ. В своё время она у меня в лаборатории работала, высыпаниями занималась, а до этого у Власкова кандидатскую защитила по нижней ионосфере. В суровые времена перехода к рынку перешла в банк работать на тамошний ВЦ, где куда как лучше платили, чем кандидатам наук в Академии. Но банк недолго процветал, и при Терещенке Чурикова вернулась в ПГИ, но не на научную работу, а на должность главбуха института, которую с тех пор и занимала. Ей, однако, на этом месте было скучновато, и она занималась ещё всякими компьютерными вещами типа электронной почты или локальных сетей. К моему конфликту с Терещенко она относилась с огорчением:

– Что вы за мужики такие амбициозные! О Боге пора уже думать, а вы всё чего-то делите, никак договориться не можете!

У неё возникло желание самой какой-нибудь компьютерный сектор возглавить, и она была готова взять туда Сашулю с Романом под свою крышу, а я ей предложил вообще вернуться к моделированию и работать под моим научным руководством, формально возглавляя сектор. В принципе она была не против, если не будет возражать директор.

Терещенке я это предложение изложил, и оно вроде бы ему даже понравилось. Он только заметил, что Чурикова при этом хочет ещё и главбухом остаться (из-за зарплаты), а он возражает против такого совмещения. О моём совместительстве в ПГИ я его не спрашивал, заявление моё в отделе кадров лежит, а сначала надо с Сашулей и Романом определиться. Осталось ждать, когда директор с Чуриковой договорятся.

638. Февраль. Итальянские заметки Мити

Ф е в р а л ь 1 9 9 8 г.

1 февраля. Митя в Италию отбыл и вечером позвонил из Пескары.

3 февраля. С тремя девицами общался по поводу аспирантуры – Ратынской и двумя от Середы, ассистентами его кафедры высшей математики, Леной Васильевой и Верой Медведевой, выпускницами ЛГУ, в 1988-м (Лена, 1966 г.р.) и 1992-м (Вера, 1970 г.р.) годах закончили. Я им всем предложил нашу с Брюнелли книжку «Физика ионосферы» штудировать, чтобы к вступительному экзамену по специальности подготовиться, и ко мне регулярно приходил на консультации.

Света Ратынская, правда, честно призналась, что у неё опять появились шансы в Тромсе попасть, и она у меня хочет просто подстраховаться, если с Тромсе ничего не выйдет. Я сказал, что ничего плохого в этом не вижу, и желание попасть за границу прекрасно понимаю, у самого сын только что туда вырвался. Пусть позанимается плазмой вообще пока, тем, что нужно и для Тромсе, и для меня.

Вечером Митя звонил из своей квартиры. Телевизор купил. Мёрзнет (в Италии!).

16 февраля. Прихватило сердечко в первый раз, сдавило грудь. После лекции. Утомляюсь быстро. Устал.

Письмо Мити от 17—18 февраля 1998 г.

Привет! Начинаю набивать свои итальянские заметки

1.02. *В пятницу я попрощался с Бирюковыми, занёс им подстёжку и уют. А в субботу я устроил прощальный ужин в общежитии в своей бриджейной компании плюс Николай Шевченко плюс Ваня Юдушкин (студент-биолог из нашей лаборатории). На следующее утро мы (я, Володя Ромах и Шевченко) выехали на Володином Фольксвагене в Шереметьево. Там я им передал мои зимние вещи и с ними распрощался.*

Вылет был в 12:30 по Москве, самолет – ИЛ-86. С утра было весьма морозно и солнечно (-15—20 градусов), а в субботу было ещё хуже – метель при -15 С. Но в воскресенье, слава Богу, вылету ничего не мешало.

До Римини летели 3.5 часа, т.е. там сели в 14:30 по местному времени (а из Москвы вылет на полчаса задержали, не успели обработать самолёт против обледенения). Погода очень напоминала зимне-калининградскую: +3—5° С и морозящий дождь. Пейзаж тоже чем-то похож – равнинная местность, поля, фермы, деревья голые (часть). Но застройка очень плотная – фермы или городские строения.

В аэропорту Римини – одни советские самолёты (пара ТУ154 и ИЛ76) российских и СНГовских компаний (кроме русских сейчас, похоже, мало кто туда летает). Аэропорт сам очень небольшой. При входе в здание с нами поступили весьма странно (и здесь с русскими обращаются не как с нормальными людьми): у всех (полный аэробус – 300 человек) отобрали паспорта, покидали их в здоровые полиэтиленовые пакеты, а потом из этой кучи выбирали по одному и вызывали из толпы на паспортный контроль (одна линия из четырёх, хотя никаких других рейсов в это время не было). В результате я проторчал на паспортном контроле почти час, и из-за этого не уложился по времени к поезду 16:08, на котором я должен был доехать до Пескары (а оттуда на другом поезде до Фоссачезии).

Из аэропорта я вышел в 15:40, ближайший автобус до вокзала шёл в 16:00 (а такси я брать не хотел). Билет автобусный стоит 3000 лир (10 новых рублей), дорога заняла около получаса; автобус всё время петлял, двигаясь змейкой по узким улицам с односторонним движением в предместьях Римини (хотя чёрт его разберёт, у них всё побережье как один город равномерно застроено). Дома в основном 3—5-этажные, не очень выразительные

(сравнительно новая застройка). На вокзале я выяснил, что следующий поезд до Пескары идёт в 17:20, купил на него билет (2-й класс, 20000 лир) и пошёл искать, где можно купить телефонную карту.

После достаточно длительных поисков оказалось, что их продают в барах. Купив карту, я довольно долго провозился, прежде чем понял, как её использовать. Сначала я не мог сообразить, что надо отломить её уголок перед использованием (забыл уже, а ведь пользовался в Риме), а затем долго не мог правильно набрать номер Ромы Полищука (наш постдок, он должен был меня встречать в Фоссачезии). Оказалось, что надо было дополнительно набирать ноль перед номером. Да и номер-то был не Полищука, а Миронова (слава богу не какого-нибудь итальянца, это мне в секретариате института удружили), так что пришлось перезванивать. Короче перед самым приходом поезда удалось договориться с Полищуком, что он меня встретит в Пескаре.

Пока на этом прервусь, а то поздно уже – 9 часов, а я ещё не ужинал.

Целую. Митя.

Ехал я экспрессом Болонья-Пескара. На самом деле экспресс – не самый быстрый тип поезда; более скоростные (и делают меньше остановок) поезда Intercity, а ещё есть и поезда типа французского TGV. Вагон второго класса похож на наш купейный, только места сидячие (6 кресел). Дорога заняла почти три часа, по пути было ощущение, что едешь через сплошной город – настолько плотна застройка. Народу едет немного – у меня только один сосед был

В Пескаре меня встретил Роман (мы виделись на школе и знали друг друга в лицо) с дочкой Катей (ей 3 года, самому Роману 27 лет). На Романовом Форде-Фиеста добрались до института (машину он купил в кредит с 4-летним погашением, всего 21000000 лир). Сторож Антонио дал ключи от моей квартиры, и к 9 часам я добрался до своего места обитания в ближайшие полгода.

У меня оказалась отдельная квартира с телефоном, состоящая из комнаты около 15 квадратных метров, полностью оборудованной кухни (газовая плита, холодильник двухкамерный, куча всякой посуды) и двух лоджий – одна выходит на внутренний двор, другая – с кухни – на шоссе. Мебель в комнате – кровать, два шкафа, этажерка и стол (+3 стула). Телевизора нет. В предотъездной суете я забыл пару нужных вещей – тапки и шампунь – их надо в первую очередь покупать.

Сама Foresteria (общежитие) совсем рядом с институтом – двухэтажное здание (моя квартира на втором этаже) с внутренним двориком, засаженным ёлками. Одна неприятность – топят неважно, постоянно тепло отключают, да и сами батареи небольшие. На улице же пока плюс пять. Стирать можно в постирочной в этом же доме (там стоят автоматы и там же гладильные доски с утюгами).

Вечером я ужинал у Романа, пили привезённые мной Посольскую (ещё я привёз бутылку Гжёлки). Роман здесь уже три года, приехал сразу после защиты кандидатской (он работал у Миронова в Иванове) привез сюда же и жену Лену (она тоже работает вместе с ним). Получают они вместе миллиона три в месяц. У меня же пока 870000, из них 250000 – оплата квартиры.

2.02. К 9 утра отправились с Романом в институт (на самом деле идти – 2 минуты). Даниелы Корды – моего шефа – не было (она уехала в Рим, возвратится только завтра), поэтому лабораторию мне показывал Крис Берри – англичанин, уже три года работающий здесь и женатый на итальянке из Анконы (самому Крису лет под сорок, хотя точно не скажешь). С большинством из персонала лаборатории я познакомился, но пока Даниелы нет, мне там всё равно делать нечего (угла своего пока тоже нет).

Пообедал я у Романа, а вечером мы с ним поехали в супермаркет за продуктами. Супермаркет расположен на шоссе километрах в трёх от института (не доезжая примерно километра до Ланчиано) и занимает весьма большую площадь (у него огромный продовольственно-хозяйственный отдел, а также здоровый отдел всякой техники; в общем, почти всё кроме одежды можно купить). Я закупил 5 кг картошки (1090 лир за всё), макароны, рис, яйца, сардельки, чай, кофе, мандарины 2 кг (около 3000 лир), вино пакетное (1800), сок, пиво, печенье, масло подсолнечное; а кроме этого тапки, шампунь, стиральный порошок и другие мелочи – всего на 75000 лир. А помимо этого купил 14-дюймовый телевизор Панасоник за 350000 лир. На его собственную антенну он более-менее ловит каналов 15. Смотрел ТВ весь вечер, но понимаю пока мало.

3.02. С утра состоялся разговор с шефом – Даниелой Кордой. Мне предстоит поставить здесь новую методика, впрочем довольно простую. Работа скорее энзимологическая, чем биологическая; думаю, слишком много времени она не займёт.

Сегодня же ездил на автобусе в Ланчиано – ближайший к нам город (4 км). По пути познакомился с египтянином, работающим в институте, так он со мной всё по-итальянски говорил, и я даже более-менее его понимал и сам что-то отвечал ему (а он говорил, что в институте с ним никто по-итальянски говорить не хочет, все на английский стремятся перейти). Семинары в институте и в лабораториях все тоже на английском – уж больно много здесь стало иностранцев (в лаборатории Корды только два, а вот в соседней лаборатории, где Миронов работает – 8 (из них 5 русских).

В Ланчиано я ездил фотографироваться для всяких документов в автомате (он стоит на центральной площади). Автобусы ходят не очень часто (билет 1600 лир), так что я в Ланчиано проторчал 1.5 часа, походил по центру города, насыщенному всякими одежными магазинами. Погода тут всё такая же, после обеда зарядил мелкий дождик, а в горах (институт как раз на их фоне, если из моей квартиры смотреть) лежит снег.

На этом сделаю паузу, продолжу завтра, если время будет.

Письмо Мити от 20 февраля 1998 г.

Продолжу набивать свои итальянские заметки

4.02. И сегодня целый день лил дождь. В обед ездил в квестутру (полицейский участок) в Ланчиано, получил *Permesso di Soggiorno* (зарегистрировался) (фамилия инспектора Чиполлоне, как в книжке Джанни Родари (я позднее спрашивал у местных, знают ли они такого автора; оказывается, не знают)).

На работе все в основном организационные дела, начинаю «въезжать» в их повседневную жизнь. Смотрел, как они работают с клетками. Всё, конечно, по-другому. Впечатляет оборудование – централизованная подача газа, CO₂, азота, централизованная вакуумная система, куча одноразовой посуды, которую мы моем, огромный клеточный банк и всё в таком роде.

5.02. Целый день (за исключением обеда) на работе, большей частью проверял наличие реагентов для моего метода. Кое-что надо заказывать на разных фирмах; придёт это не ранее, чем через две-три недели. Шефа после обеда часа 2 ждал, чтобы бумажки подписать. Уже обмениваюсь E-mail'ами с Москвой и с Мурманском. В шесть часов вечера сходил на урок итальянского для иностранцев. Кроме меня было четверо: канадец из Квебека, супружеская чета из Барселоны, и египтянка (кроме них на уроках итальянского появляются датчанин, американец, Мироновы (отец и сын с женой)). Уровень у всех разный, учителя я более-менее понимаю.

6.02. В институте учусь их методикам работы с культурами животных клеток. Всё надо осваивать заново, потому что правила здесь совсем другие, и их желательно строго соблюдать. Меня пока курирует девушка Сабрина, хотя вообще-то культивированием

животных клеток тут занимаются все. Уже пробовал кое-что делать сам, но пока большую часть операций делает Сабрина. С непривычки немного устаёшь к вечеру, но вскоре, думаю, войду в рабочий режим...

Сегодня первый солнечный день со дня моего приезда. Выходишь из дома и видишь институт на фоне заснеженного горного массива Майелла – великолепная картина (ещё лучший вид из верхних этажей института). Жаль, что у меня пока нет фотоаппарата.

На этом прервусь до завтра...

С утра наконец-то съездил в Ланчиано и зарегистрировался в налоговой службе (наконец-то Кармен, студентка, работающая в нашей лаборатории, смогла найти время меня туда свозить. Она предложила оказывать транспортные услуги ещё давно, но времени свободного у неё мало: работа плюс учёба. Но всё-таки сегодня к 9 утра мы добрались до офиса налоговой службы и я получил искомые бумажки).

Моё письмо Мите от 21 февраля 1998 г.

Здравствуй, сынуля!

Вот сегодня суббота, и погода хорошая – ясно, тихо, мороз с утра всего минус 15, днём, наверное, теплее будет, а я вместо того, чтобы лыжи мазать, отправился на кафедру заниматься интасовским проектом. Норвежцы молчали два месяца и вдруг прорезались – давай, давай! А время опять осталось немного – дэдлайн 18 марта. А тут ещё в аспирантуру ко мне очередь красавиц выстроилась, не соскучишься. Интернет на кафедру протянули, но некогда даже полазить по нему, тем более что медленно довольно идёт соединение, но кое-что нужное для работы я уже получил по сети. Твои письма ждём с нетерпением и читаем с удовольствием.

Целуем, папа, мама.

Письмо Мити от 21 февраля 1998 г.

Привет!

Вначале о последних новостях. Вчера... вечером меня пригласили в паб в Ланчиано ребята из моей лаборатории (итальянцы). Всего нас было пятеро, паб находится в старом Ланчиано, но это не тот, в котором я был во время FEBS школы (этот называется Тама-рилло). Знания языка, к сожалению, мне пока хватает лишь на прямое общение, а когда все говорят, то смысл разговора я теряю. Но прогресс я сам всё-таки ощущаю...

А теперь ещё немного из дневника

7.02. Первую половину дня провёл в библиотеке. Судя по всему, произошёл сбой в местной сети – не могу войти ни в почтовый ящик, ни в интернет. А так как в выходные дни никого здесь нет, до понедельника нельзя пользоваться компьютером.

Вечером ездил с Романом в универсам (потратил 50000). Исходя из моей зарплаты – 620000 чистыми (на оплату квартиры 250000) можно в день 20000 тратить. Реально же на повседневные расходы уходит около 70000 в неделю, т.е. половина. Впрочем, остаток не такой уж большой (так что надо быстрее добиваться аспирантуры, тогда ещё +500000).

Вечером же было ещё немного работы с клетками, а в понедельник её будет навалом. По ТВ смотрел регби Уэльс – Италия, а потом испанский футбол «Атлетик» – «Реал-Сосьедад» (баскское дерби). Игры в Нагано освещаются здесь по одному из каналов (увы, как раз этот канал у меня очень плохо идёт), но основное внимание всё равно уделяется местному футболу. В пятницу купил Corriere Dello Sport, так там из 30 страниц 20 предстоящему туру посвящены (во всех лигах). Несколько человек из лаборатории сегодня ездили в горы на лыжах кататься...

9.02. *Сегодня много клеточной работы, надо клетки рассаживать (и много). Вечером смотрел первый тайм Бразилия-Сальвадор (2:0, Ромарио и Эдмундо, Денилсона сломали), а ко второму уснул.*

10.02. *Сегодня наоборот, работы почти нет. Весь день просидел в библиотеке, а вечером – урок итальянского. Заплатил за квартиру 250000 лир за февраль.*

11.02. *Утром ездили с Романом в Ланчиано вставать на учёт в налоговую службу. Погода с каждым днём становится всё лучше, утром когда ехали по шоссе из окна прекраснейший вид на заснеженные горы, видно даже Гран-Сассо (километрах в 50 от нас на север)...*

13.02. *Полдня очень интенсивной работы (выделяли мембраны из наращенных для этой цели клеток). По телевизору в новостях показывают массовые аварии на автострадах на севере Италии из-за тумана – десятки разбитых вдребезги машин. Олимпиаду в Нагано вижу только в олимпийских дневниках. Хотелось бы хоккей посмотреть, но тут его показывают в очень неудобное время (рано-рано утром). Запомнилось ужасное падение Хермана Майера на скоростном спуске (он на небольшом трамплине потерял равновесие в воздухе, приземлился чуть ли не на голову, а потом через два забора перелетел метров за двадцать от трассы, чудом ничего себе не повредив)...*

На этом прервусь. Целую. Митя.

639. Март. Марко Фаласка. Ирина, Ваня, внуки и тёща в Мурманске

М а р т 1 9 9 8 г.

Письмо Мити от 1 марта 1998 г.

...Как вы уже поняли из того, что я говорил по телефону, у меня началась серьёзная работа и теперь по будням свободного времени у меня почти совсем не будет. Поначалу я весьма устаю, поскольку всё ещё не отработано, а с организацией эксперимента у меня, как выяснилось, большие проблемы. Плохо у меня получается продумать последовательность операций, которую я должен делать в ходе эксперимента, а тут ещё главная особенность, что я работаю с радиоактивностью, причём с самым неприятным изотопом (в том смысле, что его излучение обладает наибольшей проникающей способностью) – фосфором-32. С другой стороны именно эта особенность позволяет легко контролировать уровень излучения с помощью счётчика Гейгера, а кроме того тут очень серьёзно с защитой – вся работа идёт за специальными экранами, кроме того, мне выдали индивидуальный браслет – дозиметр, так что за свою безопасность я спокоен. Но опять же, всё это весьма затрудняет проведение самого эксперимента и заставляет очень тщательно подходить к выполнению каждой операции. Поначалу всё это меня очень утомляет. Но надеюсь будет легче, поскольку всё это – дело тренировки.

Что же касается распорядка дня, то он весьма однообразен. Встаю я рано (по сравнению с московской жизнью) – в 7 – 7.30. Принимаю душ и прочие водные процедуры. Где-то в 8 – 8.30 завтракаю (кофе, тосты с сыром или ветчиной, печенье). К 8.30–9 часам прихожу на работу. Обед – с часу до двух, сейчас я готовлю суп на основе куриных ног. Единственное, чего мне здесь не хватает (к хлебу я уж более-менее привык местному – я покупаю булочки, которые в Макдональдсе используют для гамбургеров и пр.) – сметаны. Здесь нет ничего похожего – только майонез.

На работе сижу часов до семи. Ужинаю обычно картошкой, сардельками с макаронами или рисом, помидоры всё время ем свежие (с луком и оливковым маслом). За обедом и ужином пью красное вино (пакетное, хотя вчера купил бутылку Montepulciano de Abruzzo (тоже красное, более терпкое, насыщенное, чем пакетные вина), кроме этого за неделю выпиваю два литра сока (предпочитаю ананасовый) и ещё покупаю фрукты, сейчас в основном мандарины, а также киви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.